

РОДИОН ВИШНЯКОВ

МУРАВЬИ НА САХАРЕ

ВЫБОР БУДУЩЕГО ТОЛЬКО ЗА НАМИ

Родион Вишняков

Муравьи на сахаре

«Автор»

2024

Вишняков Р. А.

Муравьи на сахаре / Р. А. Вишняков — «Автор», 2024

Вы готовы спуститься в глубины первобытного страха? Или подняться к манящему свету звезд? Что ждет нас дальше? Ужасные картины гибели человечества? Или красота его величия? Одна книга. Пятнадцать историй. Два новых мира.

© Вишняков Р. А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

К звездам	5
Пролог	5
Глава первая. Нерушимая	7
Глава вторая. Очередная	14
Глава третья. Живая	20
Глава четвертая. Неприступная	25
Глава пятая. Новая	33
Глава шестая. Все еще Новая	38
Глава седьмая. Предпоследняя	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Родион Вишняков

Муравьи на сахаре

К звездам (повесть)

Пролог

Они просто сдохли, три тысячи чертей! Может быть, можно попробовать... Нет, бессмысленно. Они мертвы. И мертвы безвозвратно! Так же, как и многое другое.

Беляков в сердцах ударил кулаком по подлокотнику кресла. А ведь все так хорошо началось!

Пятьдесят один час назад он вместе с экипажем из двух человек погрузился в «Гиперион». Старт, согласно инструкциям, был произведен силами двигателей Гефест–ТЗ. После чего осуществили выход на стартовую мощность ракетных двигателей нового поколения. Созданные для межзвездных перелетов Атом–М6, прозванные в кругах космолетчиков «над-световыми», за считанные минуты разогнали «Гиперион» до невероятной скорости. Два часа назад был преодолен рубеж Солнечной системы. Еще через два стандартных земных часа маршевые двигатели были отключены и корабль развернулся. Все ликовали, как дети! Впервые в истории человечества родная система была пересечена за рекордный срок – двое суток! Уму непостижимо! После катастрофы «Байкала», произошедшей три года назад, многие ставили под сомнение возобновление попыток межзвездных полетов. Нужно было возвращаться к чертежным доскам. Нужно было заново проводить полевые испытания. Нужно было...

Беляков мысленно махнул рукой. Все нужно было, и все люди смогли преодолеть. Потому что без этого они уже не могут! В их сознании стойко укоренилась вера, впиталась через прожитые десятки поколений мужественных предков в самую генетическую структуру. Вера не в каких-то абстрактных богов, живущих только на иконах и на страницах книг. Не в богов, которых необходимо замаливать сладкими речами и задабривать дорогими подношениями. Нет! Все боги – лишь плод людской фантазии! Они оставались глухи к мольбам людей. И жили в умах лишь до тех пор, пока там не стала преобладать сила разума. Осознание того, что теперь почти все во Вселенной можно объяснить при помощи простых и понятных формул. Осознание того, что в ближайшем будущем для человека разумного не останется загадок. Именно сейчас на Земле наступает эра изобилия и человек наконец-то может шагнуть на новый виток своего развития.

Все те грехи, о которых писали забытые книжки, остались в прошлом. Чревоугодие, убийство, блуд и остальные пять ушли, как пережиток темного прошлого. И сейчас каждый из людей, пережив старых богов, идет путем совершенствования, постепенно создавая бога из самого себя. И возвеличивая в камне статуй и памятников не абстрактных чудовищ с головами шакалов или птиц, а тех, кто своими деяниями помог сделать еще один шаг навстречу к звездам.

Беляков бросил быстрый взгляд на систему координирования и навигации. Компьютер рассчитал многочисленные параметры и, выстроив траекторию, предложил человеку подтвердить решение задачи. Капитан бегло просмотрел заключение и недоверчиво усмехнулся. Курс был задан двумя способами: оптимальным и дополнительным, или, вернее сказать, альтерна-

тивным. На случай, если маршрут будет проходить в непосредственной близости от пролетающей где-то рядом кометы Антарто.

Обратно стартовали в рассчитанном временном интервале. И поначалу все проходило так, как и задумывалось. Окончание маневрирования, выход на стартовую точку, отключение маневренных и перевод импульса тяги на надсветовые, маршевые двигатели. А дальше...

Сигнал тревоги. Мигающий красный цвет индикатора экстренного отключения одного из двигателей. Перепад распределения энергии в хвостовой части. Уход корабля с заданной орбиты. Экстренное оповещение от искусственного интеллекта корабля. Корректировка курса и предложение капитану подтвердить новые данные. Еще один сигнал тревоги – от второго надсветового двигателя. А дальше произошло что-то совсем непонятное.

Часть бортовых систем, включающих аппаратуру дальней связи, просто перестала отвечать на запросы. Через пару секунд Беляков почувствовал, как его тело становится легче и невесомее. Возле него стали подниматься в воздух различные незакрепленные предметы. Вместе с ним. «Значит, система искусственной гравитации тоже вышла из строя, – пришла в голову первая мысль. А следом еще одна: – Надо проверить систему обогрева, защиты от космической радиации, кислородной и водной регенерации».

– Леша! Что случилось? – К капитану подлетел, неуклюже перевернувшись в воздухе, инженер-механик Скленичка.

– Оба надсветовых накрылись, Яромир. – Беляков приблизился к обзорному иллюминатору. Ничего не видно. Вернее, видны звезды. В космосе все-таки. Но вот планет Солнечной системы он разглядеть не смог. Куда же их отнесло? В какую сторону от первоначального курса ушел при аварии корабль?

– А часть систем вырубил после или одновременно?

– После. – Капитан отлетел от обзорного экрана. – Примерно через три секунды.

– Понял тебя. – Чех кивнул и, взмахнув сильными руками, поплыл в хвостовой отсек, собираясь, видимо, проверять какие-то свои догадки.

– Что говорит, компьютер? – В отсеке появился третий член экипажа, доктор Бабич.

– Борт! – подал голосовую команду Беляков. – Анализ объема повреждений систем корабля.

Ответа не последовало.

– Ориентировка в пространстве. Определить настоящие координаты.

Тишина.

– Активировать дальнюю связь. Соединение с орбитальной станцией «Королев».

Никакого ответа.

– Придется тестить вручную. – Алексей нахмурился.

– Принято. – Бабич коротко кивнул, направляясь к стойке систем управления.

Капитан проследил за ним взглядом. Потом вновь нахмурился. До него только сейчас дошел весь ужас сложившейся ситуации.

До момента ухода корабля с проложенного курса они находились на границе Солнечной системы. Четыре с половиной миллиарда километров от Солнца. Если не удастся починить надсветовые двигатели, со скоростью, которую они могут развить на Гефестах-ТЗ...

Беляков быстро прикинул в уме. Восемь лет. Почти три тысячи дней. Если по дороге не случится что-то еще...

Глава первая. Нерушимая

Утро было прохладным. Только появившееся из-за горизонта солнце еще не успело прогреть остывший, напитанный ночной влагой воздух. По полю стелился плотным белесым покрывалом туман. Укрывал собой русло речки и терялся между стволами сосен на противоположном берегу.

Травин поежился и тяжело вздохнул. Из рта вылетело прозрачное, теплое облачко. Он в очередной раз потерял глаза. Сейчас ему больше всего хотелось только одного: оказаться в комнате номер восемь первого этажа жилого корпуса номер три. Сладко потянуться под теплым одеялом и, закрыв глаза, доспать положенные его организму часы.

Вчера, а вернее, сегодня ночью ему куда интереснее было не думать о сне, а направлять все свое внимание, шарм и обаяние на хорошенькую девушку Юлю, с которой он познакомился вчера на танцах и провел несколько прекрасных часов, прогуливаясь по тихим дорожкам учебного городка. Затем были узенькие тропки полей и перелесков, изломанная ветром и течением лунная дорожка на черной поверхности речки. В жилые корпуса Юля и Владимир вернулись только тогда, когда оба продрогли настолько, что, как говорится, зуб на зуб не попадал.

Хорошо, что комната на первом этаже. Это позволяло ему нарушать распорядок дня, убегая после команды «отбой» старшего дежурного по корпусу. Будущим космолетчикам предписывалось строгое соблюдение режима. Неукоснительное. Особенно сейчас, на последнем году обучения, когда фундамент теоретических знаний заложен и полученная мозгом информация запоминается и оттачивается телом до автоматизма, въедаясь в память мышц и связок. Теперь они приучали молодые, только начинающие крепнуть тела к новым нагрузкам. Новым не только для каждого из них, но и для всего человечества.

И всему учебно-командному составу школы вменялось в обязанности следить за исполнением предписаний. Если мальчишки не выспятся или будут себя плохо чувствовать, нагрузки, максимально приближенные к уровню взрослых, могут нанести непоправимый вред здоровью. Все это неоднократно просчитывалось на кафедрах всевозможных медицинских и биологических факультетов. И все это неоднократно подтверждалось на полигонах и в школах. Опытным путем. Как и вообще весь путь освоения человечеством космического пространства.

– Плохо? – Кирилл с тревогой посмотрел на Вову.

– Есть немного. – Травин попытался улыбнуться. Улыбка вышла кислая. – Да нет, – он постарался придать своему голосу уверенности и бодрости, – нормально все будет.

– Может, не стоит? – Днепровский с сомнением посмотрел на Травина. – Будет же еще шанс.

– Да когда он будет? Ты же сам понимаешь.

– Понимаю, – кивнул Сергей. – Но тебе же может стать плохо.

– Ничего. Справлюсь.

– Серега прав, – поддержал друга Кирилл. – Может быть, тебе стоит отказаться от сегодняшнего отбора? Все равно у них шансов чуть больше, чем у нас. – Капустин мотнул головой вперед. – Думаю, вы все со мной согласитесь.

Взгляд троицы теперь был обращен к оставшимся двум членам их команды. Неразлучным на протяжении всех лет обучения в школе.

Димка Махов и Илья Беляков стояли чуть поодаль, не обращая внимания на разговор, молча глядя через укрытую туманом реку в сторону темно-зеленого хвойного леса. И мысли обоих были уже не здесь. Не на учебной площадке школы, а за лесом. Там, где за вершинами хвойных исполинов, за много миль от этого места, располагалась первая на Земле стартовая площадка кораблей дальнего следования. Межзвездных гигантов, созданных человеком с одной единственной целью: постараться наконец утолить его жажду открытий и позволить

осуществить то, о чем мечтало не одно поколение, о чем грезили далекие предки тех, кто в эти самые дни делает свой первый шаг в космос.

– Да, – кивнул Травин. – У них двоих шанс чуть-чуть, но больше.

– Так всегда бывает. – Днепровский решил пофилософствовать. – Кто-то изначально предрасположен к какому-то виду деятельности чуть больше, чем другой. Если бы они оба перестали заниматься вместе с нами, скажем, в прошлом учебном году, то их природные данные ничего уже не значили бы. Так как мы, благодаря ежедневным тренировкам, смогли бы легко уделоть и Илюху и Димку на первом же тренажере. Но мы все в равных условиях.

– Да это понятно, – кивнул Кирилл. – Не всем же, в конце концов, быть космолетчиками. Есть множество других замечательных профессий. Агроном. Врач. Инженер. Токарь. Генетик. Зоолог. Есть из чего выбрать.

– И все эти профессии можно, так или иначе, в ближайшем будущем совмещать с профессией космолетчика, – заявил Днепровский. – Все, чем мы занимаемся на Земле, будет возможно делать и на других планетах. Скоро все станут космолетчиками, а уже потом врачами, биологами, инженерами и поварами.

– Мы-то точно будем космолетчиками, – вздохнул Вова. – Мне сон снился, я ж говорил. Помнишь? А у меня сны всегда сбываются.

– Не помню, – пожал плечами Сергей. – Давно, видимо, было.

– Года два или три назад. Но не суть. А дело в том, что снится мне наша комната. Там я, ты, Сережа, Кирюха. Димка и Илюха. В общем, мы все пятеро. Сидим вечером после ужина, и каждый занимается чем-то своим, обычным. И только ты сидишь и складываешь в чемодан вещи. Старательно так, неспешно. Димка такой тебе говорит: ты что, мол, делаешь? А ты ему в ответ: мы же космолетчиками будем, надо заранее все подготовить. Собрать вещи и ждать команды.

– Да. Это верно. – Днепровский кивнул. – Я всегда все заранее делаю.

– Ну, а Димка тебе, значит, отвечает: а с чего это ты взял, что станешь космолетчиком? Учиться-то еще столько лет! Аж до восемнадцати годков. И так обиженно, со злостью даже, что не его первого выбрали на это почетное звание, а тебя. А ты такой преспокойно киваешь головой на стол. Там, мол, все написано, смотрите сами. И возвращаешься к своим вещам. Мы все поворачиваем головы в указанную сторону и просто теряем дар речи: на столе лежит список команды первого межзвездного полета! Причем, ни я, ни Димка, ни Кирилл с Ильей, которые сидели за столом и играли в шахматы, словом, никто не видел этого списка еще минуту назад. Махов берет его в руки, смотрит на него недоверчиво, а потом зачитывает все наши пять имен. Вот такой это был сон.

– Красиво, – мечтательно протянул Кирилл. – Жаль, что это только сон.

– Это не только сон, – обиженно насупился Вова. – Это мой сон. А у меня сны всегда сбываются. Вот увидите. Все мы станем космолетчиками.

– И часто тебе снятся сны? – Капустин посмотрел на Травина. – Извини, я просто не помню, говорил ты или нет. Столько времени прошло.

– Нечасто. Раз или два за полгода.

– А если снится какой-нибудь дикий абстракционизм? Помнишь, как у Сальвадора Дали? Часы стекают по веткам, и прочее такое.

– Нет, – покачал головой Травин. – Такого не бывает. Всегда только конкретика. Не понимаю я этих непонятных стилей.

– Полностью с тобой согласен. – Днепровский присоединился к разговору. – Картина должна быть картиной. Она должна быть понятной сразу и каждому, не оставляя никаких недоумков или расхождения мнений. Я вот люблю, когда все понятно.

– Доброе утро! – раздался за спинами парней бодрый голос. Троица обернулась. К ним легкой, пружинящей походкой приближался Корнеев. Невысокий человек с бесцветными глазами и уже проявившимися в его молодом возрасте залысинами.

– Доброе утро, Иван Алексеевич! – нестройным хором ответили они и присоединившиеся к ним с появлением учителя Беляков и Махов.

– Готовы?

– Всегда готовы.

– Рад слышать это, мальчики. – Выцветшие глаза Корнеева прошлись равнодушным, ничего не выражающим взглядом по лицам каждого из учеников. – Володя, ты готов?

– Всегда готов, Иван Алексеевич, – уверенно повторил Травин.

– Хорошо. – Учитель кивнул. – Напоминаю всем, что на первом этапе выпускного экзамена вас ожидает сдача общефизических нормативов. Бег на шесть километров, заплыв на тысячу шестьсот метров, подтягивание, прыжок в длину и ныряние под воду. После сдачи каждого из пунктов с обязательной укладкой во временные рамки встречаемся в тренировочном корпусе. Там вас ждут центрифуга, барокамера и тренажеры Барани, Хилова и Кавасаки. Вопросы есть? – Вопросов не последовало, и Корнеев, удовлетворительно кивнув, посмотрел на Махова: – Дим, ты первый.

Парень сосредоточенно кивнул и быстрым шагом направился в сторону линии старта. Корнеев дал отмашку, и Димка рванул со стартовой черты вперед, мгновенно скрываясь в утренней дымке.

Корнеев задумчиво покачал головой. Условия учебно-тренировочного полигона мало напоминали даже обстановку внутри межпланетарного корабля, что уж говорить о выстроенном межзвездном титане, который вот-вот совершит свой первый полет к Проксима Центавре. Что придется пережить первому межзвездному экипажу космолетчиков? Все только на бумаге, в теоретических расчетах и выкладках, которые придется проверять на себе отчаянным смельчакам. Своими жизнями им придется доказывать верность и состоятельность теорий, а также упорство в стремлении к цели. Он мысленно вздохнул.

Мальчишек надо пускать днем, в самый солнцепек и в полных летных скафандрах. Но комиссия вкупе с министерством космического развития и министерством образования встали на дыбы: мол, нельзя сразу подвергать неокрепший юношеский организм максимальным нагрузкам. Нагрузкам, которые, по сути, являются предельными для физических возможностей человека. Всему свое время. А в процессе обучения организм должен развиваться гармонично, а не изнашиваться до безобразного состояния за пару-тройку лет.

Корнеев вздохнул. Возможно, они тоже правы, в какой-то степени. Но он точно знал, что в том злополучном полете не смог бы выжить, если бы со школьной скамьи не работал на тренировках до полубоморочного состояния.

Межпланетный корабль третьего поколения «Феникс-5» возвращался к околоземной орбитальной базе. Задание было выполнено, и экипаж находился в предвкушении момента, когда один из двух пилотов, несших посменную вахту, объявит по громкой связи долгожданное слово «Земля!» В задачу экипажа входило испытание поставленных на корабль новых двигателей, созданных для первого запланированного межзвездного полета. Это был третий полет с использованием доработанных и усовершенствованных надсветовых маршевых двигателей Атом–М6.

Запуск и выход на максимально разрешенную мощность прошли по плану. «Феникс» совершил виток вокруг Нептуна, покрыв заданное расстояние за меньшее, чем планировалось, время.

Все произошедшее потом было отображено в информационной заметке, разлетевшейся по новостным каналам. В ней говорилось о том, что межпланетный корабль третьего поколения «Феникс-5» совершил экстренную посадку на Титанию. Орбитальная станция «Королев»

приняла сигнал бедствия. Первые корабли класса «Разведчик» прибыли на место катастрофы спустя трое суток...

Как все сухо и совсем не страшно. В то время как внутри умершего корабля каждый час неудержимо рос уровень радиации и температуры. И не было ни одного шанса выбраться наружу. Из всего экипажа к тому моменту выжил только он один. Сидел в тесном, замкнутом пространстве, которое еще не успело нагреться до состояния раскаленной сковородки. А за переборкой еще два часа назад были слышны дикие крики того, кого «сковородка» захватила в свои объятия...

– Иван Алексеевич! – Махов еще не восстановил дыхание. Его грудная клетка двигалась часто, по покрасневшемуся лицу стекали крупные, грязные капли пота. – Когда же старт? – Махов вытер лицо рукой и указал в сторону леса.

– Скоро, Дима. На него ты точно уже не успеешь.

– Очень жаль, Иван Алексеевич.

– Не надо ни о чем жалеть. Все идет так, как должно идти. Никогда не торопи время и не жалей о том, что не сбылось. Во-первых, есть шанс, что эта неудача – всего лишь временная отсрочка. А может быть, судьба бережет тебя от чего-то более ужасного, чем твои обида и досада. Подумай об этом.

– Кого в итоге выбрали? – слабым голосом поинтересовался Владимир.

Он лежал на койке в палате больничного корпуса и до сих пор был бледно-зеленого цвета. От закрепленных на теле Травина всевозможных датчиков к нескольким настенным мониторам отходили целые пучки проводов. Днепровский, стащив накиннутый на плечи белый халат, с интересом изучал мигающие на дисплеях цифры и разноцветные линии.

– А неизвестно пока, – пожал плечами Сергей, не отрываясь от своего исследования. – Комиссия решит. К нашим школьным учителям прилетела группа из города. Вот они все вместе и объявят завтра предварительные результаты.

– Илюха или Димка?

– Скорее всего, – ответил Днепровский после небольшой паузы. – Я вот удивляюсь, – он, наконец, отлип от аппаратуры и плюхнулся на кровать, усевшись на Вовины ноги. – Такой уровень технического прогресса, победа над мировым голодом, освоение космоса. Ежедневные открытия, о которых наши предки не смели даже мечтать. Но почему нельзя придумать волшебную таблетку сразу от всех болезней? Выпил ее – и сразу полностью здоров. – Сергей улыбнулся, демонстрируя прекрасное расположение духа. Весь его внешний вид излучал позитив, давая понять, как всегда, что ничего страшного и непоправимого не произошло.

Травин ничего не сказал, отвернулся к стене и какое-то время молчал. Наконец вздохнул, повернулся и тихо спросил:

– Как думаешь, Сереж, я сильно попал с этой своей выходкой?

– Нет, конечно! – Днепровский буквально воспрянул, нарушая затянувшееся молчание. – Подумаешь, не прошел! В конце лета все сдашь.

– Правда? Полагаешь, еще не все потеряно?

– Ничего не потеряно. О чем ты вообще?

– Спасибо. – Вова перестал хмуриться и как-то даже повеселел. – Мне прямо легче стало.

– Ну, как он? – Беляков поставил на стол поднос с четырьмя стаканами томатного сока.

Друзья сидели в столовой. Обед подходил к концу, и большинство столиков были уже пусты.

– Грустит, – пожал плечами Сергей. – Переживает, что все потерял и теперь может остаться без полетов.

– Ты ему что-нибудь говорил?

– Ну, я его подбодрил, как мог. Сказал, что не все потеряно и что все будет хорошо. В общем, успокаивал по мере своих скромных сил.

– Хорошо, если так, – вздохнул Кирилл.

– Хорошо-то хорошо. Да не очень, – развел руками Днепровский. – Вовка действительно может остаться без дальнего космоса. Сейчас ведь будет выпуск. Всех, кто прошел итоговые экзамены, распределят на продолжение обучения в команды к «взрослым» межзвездникам и межпланетникам. Соответственно, все лучшие места будут разделены между первой волной выпускников. И Вове вполне может достаться место на совершенно неинтересном маршруте типа «Земля – Луна – Венера». Или вообще достаться место на орбите Земли.

– А через год? – поднял брови Кирилл.

– Не знаю, – пожал плечами Днепровский. – По идее, освобождающиеся места должны распределяться между вновь выпускающимися. Ведь формально все прошлогодние выпускники сидят при деле. Распределение же было. Как это ты остался без работы? Ты чем занимался целый год, простите?

– Но должен же быть вариант.

– Не знаю! – огрызнулся Сергей.

– Бред какой-то, – рассердился Капустин.

Он встал и, пройдясь вокруг стола, остановился возле окна столовой.

– Вова сам виноват, – упрямо бросил Сергей.

– Сам. Но теперь что, не нужно ему помочь?

– Нужно. – Днепровский нахмурился и как-то весь подобрался, словно готовясь к надвигающейся стычке. – Я не говорю, что нужно отказать ему в помощи.

– А кажется, будто ты уже решил все для себя.

– В каком смысле?

– В таком, что уже списал Вовку за борт нашей Нерушимой.

– Чушь не неси! Чтобы помочь, нужно сначала разработать план оказания этой самой помощи. Он у тебя есть?

– Нет, – угрюмо буркнул Кирилл.

– Вот и у меня нет. Придумаем план тогда и начнем помогать.

Капустин ничего не ответил. Отвернулся от ребят и, скрестив руки на груди, стал смотреть в окно.

Серега прав, как ни крути. Зря он так вспылал. Теперь даже как-то неудобно перед другими. Как будто действительно только он один беспокоится о Вовке.

В раскрытое окно вместе с птичьим щебетом ворвался теплый весенний ветерок, принесший с собой упоительный запах сирени. Вдалеке показалась компания старшекласниц. Одетые в спортивные костюмы девушки, что-то весело обсуждая и смеясь, бежали в сторону спортивного комплекса. Одна из них, бегущая впереди, была очень хорошо знакома ребятам. Света, спортсменка, комсомолка и настоящая красавица. С Ильей они были парой, как говорится, на загляденье.

«Сборная школы по волейболу играет, должно быть, в последний раз», – подумалось Капустину, и в следующий миг ему стало невыразимо тоскливо от того, что это все скоро закончится. Еще каких-то пару месяцев – и все. Они навсегда покинут территорию школы, которая за столько лет стала им родной. Не будет больше вот этого открытого окна, этого подноса с опустевшими стаканами. Не будет столовой и этих прекрасных, таких веселых девчонок. Вернее, все будет. Из его жизни не исчезнут бесследно ни окно, ни девчонки, ни томатный сок, будь он неладен. Но все это будет уже другим. Возможно, даже таким же вкусным, веселым и свежим. И сирень будет пахнуть почти так же. Но все же не так.

Не будет больше его друзей. Их пятерка вскоре перестанет существовать. Разлетится в разные стороны. И тогда, по воле обстоятельств, они нарушат клятву, которую торжественно дали на первом году обучения: дружить до скончания времен и никогда не расставаться.

Их дружная команда получила название «Цитадель» – его предложил Беляков, вычитав красивое слово в одной из книжек про сражения прошлых веков. В дальнейшем же, через пару лет, к слову «цитадель» намертво приросло слово «нерушимая», являющееся ключевым в определении судьбы и долговечности их дружбы.

Текст клятвы придумал Днепровский. Неутомимый и полный самых разных идей, он, казалось, был нескончаемым источником позитива и прекрасного настроения. Днепровский фонтанировал всевозможными замыслами. Застать его в унынии или чем-то подавленным было так же легко, как повстречать в лесу сказочного единорога. Нельзя сказать, что у Сергея никогда не возникало проблем. Но он все переживал внутри себя, не делаясь никогда и ни с кем своими тревогами. И выдавал друзьям только финальный результат, как правило, являвшийся очередной победой.

Илья Беляков. Самый немногословный и тихий участник Нерушимой. Показывающий прекрасные результаты во всем, что касалось учебы, будь то теоретические знания или же физическая подготовка. Он был самым крупным среди всей пятерки. Всегда встречал каждого из друзей неизменной приветливой улыбкой, резко контрастирующей с грустными глазами, ставшими такими семь лет назад, когда его отец пропал в космосе. Поиски, проводимые в течение года, успехом не увенчались, и экипаж космического корабля «Гиперион» был признан сначала пропавшим без вести, а по прошествии пяти лет – погибшим. Илья с тех пор на эту тему ни с кем особо не разговаривал, но было видно, что единственной его мечтой с того времени стало получение звания космолетчика. Возможно, он до конца не верил в официальный отчет о смерти Алексея Белякова и надеялся собственными силами разыскать пропавшего без вести отца.

Вова Травин. Такой же неунывающий и оптимистично настроенный, как и Днепровский, так же целенаправленно идущий к своей цели, как и каждый из ребят. Единственное, что он любил больше, чем космос, это свои увлечения, занимающие все его немногочисленное свободное время. Первым его хобби была кулинария. Вова готовил, как Ватель, Огюст Эскофье, Люсьен Оливье и Вильям Похлебкин в одном лице. Его мозг постоянно изобретал различные рецепты, которые он умудрялся опробовать на друзьях. Второй же его страстью были и оставались девушки. Вова любил их. Казалось, он любил их всех, восхищаясь красотой всего женского рода и каждой из его представительниц в отдельности.

Дима Махов, стремящийся во всем и всегда быть первым. Он появился на второй или третий месяц после начала обучения. Вошел в их комнату в каком-то дурацком пиджаке и чуть ли не с порога стал пытаться установить свои правила и демонстрировать замашки на лидерство. Успевшие к тому времени крепко сплотиться четверо друзей хорошенько его поколотили. Махова спас проходящий мимо восьмой комнаты преподаватель Николай Германович. Спрятав за свою широкую спину раскрасневшегося и потрепанного новичка, учитель поинтересовался, что тут, собственно, происходит. И, убедившись в своих догадках, устроил долгую беседу с каждым из четырех «защитников Цитадели».

Несмотря на то, что инцидент был исчерпан, в первые несколько месяцев Махову пришлось несладко. Четверка друзей упорно не желала видеть нового соседа по комнате одним из членов своей тайной организации. То, что это тайная организация, Диме было объявлено открыто. Но в чем заключалась ее суть и что предстояло сделать для того, чтобы стать ее полноправным участником, для Махова оставалось тайной за семью печатями. Можно только представить, что творилось в душе у мальчишки, который, по сути, стал изгоем маленького социума.

В конце концов, отношения между ними медленно, но верно начали налаживаться. Во-первых, их объединяла одна зона обитания, а во-вторых, Махов оказался на удивление способным учеником. Он легко преодолевал физические нагрузки, а своей усидчивостью и целеустремленностью не оставлял ни единого шанса даже самым трудным задачам из учебников. Со временем между ним и Беляковым установилось некое неафишируемое соперничество. Что, впрочем, обоим им было только на пользу.

Да. Все они скоро уйдут из жизни Кирилла.

Он усмехнулся про себя. А как бы охарактеризовал его, Кирилла Капустина, кто-нибудь из его друзей?

Глава вторая. Очередная

– Вероятность неудачи есть всегда! – Коренков в сердцах дернул стягивающий ворот галстук. Ему было душно и жарко, несмотря на работающий кондиционер.

Пиджак уже час как висел на спинке стула. Главный конструктор торопливо шагал по комнате, каждые несколько секунд с тревогой глядя на ряд больших экранов. На них были выведены камеры со стартовой площадки, обзор внутренней капсулы звездолета и мониторы компьютеров рабочей группы. Многочисленные столбцы и строчки всевозможных показателей минуту назад загорелись зеленым цветом. Финальный тест всех систем закончен. Корабль готов к своему первому межзвездному полету.

– Ну, Миша, – первый помощник развел руками, – выходит, тогда нужно отменять старт.

– Почему?

– Потому, что если тебя послушать, то надеяться вообще ни на что нельзя. Даже на показатели готовности систем. Потому что вдруг внутри что-то испортилось и, вместо красного, на экране зеленый высочил?

– У тебя что, – взвился Коренков, – компьютеры дальтониками стали?

– Следуя твоей логике, я не могу исключить эту возможность.

– Слава, ну что ты перевираешь меня?!

– Я не перевираю, Миш. Я пытаюсь показать тебя со стороны. Думаешь, я не понимаю, что одна малейшая неточность – и все опять полетит к чертям собачьим? Годы работы! Миллионы часов! Сотни предприятий! Человеческие жизни, в конце-то концов! Я это понимаю. И ты. И вон Лешка Страхов. И все это тут понимают не хуже тебя. Но мы творим историю человечества. Мы все тут первопроходцы. От нас может вообще ничего не остаться потом, ни одной строчки для истории. Запомнят только тех, кто совершит этот первый шаг, а не тех, кто помогал им занести ногу. Так что же теперь, не рисковать? Все впустую?

– Да я все это понимаю. Нервы, черт бы их побрал! – Коренков нацепил на голову наушники с гарнитурой связи, до этого висевшие у него на шее. – Илья!

– Слушаю, Михаил Федорович. – Голос Белякова раздался в помещении командного пункта. Спокойный и уверенный, как будто это не он через несколько минут отправится в глубокий космос и первым в истории человечества своими глазами увидит сияние чужой звезды.

– Как настроение?

– Хорошее. – В голосе послышалась улыбка. – А у вас?

– Машина! – пропыхтел над ухом Коренкова Малыгин, штатный врач Центра управления полетом. – На кардиограмму посмотри! – И пихнул главному конструктору под нос планшет с движущейся ЭКГ.

– Я в этом понимаю еще меньше, чем ты в двигателях.

– Так все хорошо же. Вон синус. Семьдесят в минуту, как будто книжку читает сейчас.

– Илья, десятиминутная готовность. – Коренков отмахнулся от Малыгина. – Все системы в норме. Как слышишь меня?

– Слышу хорошо, – подтвердил космолетчик. – Десятиминутная готовность. Закрываю гермошлем. К старту готов.

– Площадка пуста? – Коренков нахмурил брови, осматривая изображения с внешних камер. – Все службы эвакуированы?

– Так точно.

– Внимание! Готовность номер один!

– Девять сорок до старта!

– Димка! – В помещение учебного класса заглянул Травин. – Скорее, бежим! Сейчас старт будут показывать. Минута осталась!

Махов сидел в кресле тренировочного аппарата. Скосил глаза в сторону двери и в ответ только мотнул головой. Вова пожал плечами и скрылся, хлопнув дверью. Несколько секунд в пустом коридоре был слышен топот его шагов. По-видимому, побежал в актовый зал. Там сейчас все столпились и пялятся на большой экран. Прямая трансляция первого межзвездного запуска с советским космолетчиком Ильей Беляковым. Весь мир сейчас сидит перед голубыми экранами. Юбилейный хоккейный матч с Канадой не собирал такой аудитории! Через минуту Илюха станет международным героем. А он...

Махов поиграл желваками.

На месте Белякова должен был быть он! Он лучший! На выпускных экзаменах они с ним шли, как говорится, ноздря в ноздю. Ни Вовка, ни Серега, ни Кирюха – никто не мог их догнать. Они вдвоем шли к долгожданному значку «Отличник подготовки». Но, после того пресловутого утреннего забега, уже на дорожке в бассейне Димка сбил дыхание. И проиграл. Четыре целых, шестнадцать сотых...

После выпускного Днепровский улетел к орбитальной станции «Королев». Писал на днях, хвастался, что тестирует новый тип «Разведчика».

Капустин сейчас где-то совсем рядом с Солнцем. Тоже что-то там делает. Вроде как пробует новые защитные системы. По-моему, они так и называются: «Защита» или «Стена». Сначала там пытались применять автоматически пилотируемых роботов: бросать в это трижды адское пекло живых людей никто не хотел. Но скоро выяснилось, что ни одна интеллектуальная автоматика не может сравниться с живым пилотом. Под воздействием высоких температур и близких вспышек звезды электронная начинка компьютеризированных пилотов либо выгорала, либо серьезно повреждалась. Шестая попытка закончилась тем, что робот увел корабль напрямик на Солнце.

После чего все модели данного типа получили неофициальное прозвище «Икар» и были переведены на более прохладные участки Солнечной системы.

Пришлось идти на риск и вручать штурвалы кораблей живым пилотам. Набирали только добровольцев, разъясняя всю опасность предстоящих исследований.

Кирюхе удалось уже на распределительном пункте, вместо доставшегося ему геолого-разведывательного отряда, предложить свою кандидатуру ищущим пилотов рекрутерам. Его утвердили в состав испытательной группы. И теперь он там, на этих защитных кораблях, пытается подойти как можно ближе к звезде и выяснить, хватит ли прочности у разработанной инженерами защиты, выдержит ли она близость шести тысяч градусов. Зачем все это было нужно, Капустин объяснить не смог. Писал, что министерством поставлена задача в связи с выходом человека на новый, межзвездный уровень.

Вовка Травин сейчас был здесь, вместе с ним, в школе, из которой они выпустились несколькими месяцами ранее. Ему, набравшему по итогам переэкзаменовки такие же оценки, как у Ильи с Димой, светило место не просто рядом с Солнцем на этой «Защите» или «Стене». У него была реальная возможность находиться сейчас там, на космодроме. Как минимум, в качестве запасного. Если бы не одно «но»: как и предполагал Днепровский, к тому моменту все места уже были разобраны. Самые важные, трудные, опасные и интересные места были распределены между выпускниками в первый же день. Таким образом, Травин и попал сюда, в школу. А точнее, остался в ней в качестве младшего специалиста, в чьи обязанности входила подготовка и контроль за работой учебного оборудования.

– Не расстраивайтесь, молодой человек. – Член комиссии по распределению, толстолицый и розовощекий товарищ Порняк сочувственно кивал головой, стараясь показать, что переживает не меньше самого Травина. – Не всем же в космос летать. И тут, на нашей старушке Земле, дел хватает. Ведь только сейчас разобрались с волновой сеткой Сияния. Кто это сделал?

Выпускники болгарской школы, прямехонько на орбите. Не отчаивайтесь. Начнете в школе работать, через пару лет ходатайство подадите на перепрофилирование. Рассмотрим. Пойдете в преподавательский состав. С вашими-то показателями, мой дорогой... – Товарищ Порняк заговорщицки хрюкнул. – Скажу по секрету: через пару лет в космос летать будут единицы. Всех заменят роботы, так безопаснее. А мы с вами вернемся к нашим скорбным земным делам.

Махов проверил изменения в настройках программы обучения. Слез с тренажера-имитатора части кабины «Разведчика». Все это выглядело так глупо и нелепо... Перед глазами Махова отчетливо встала картина: кто-то из старших учеников, сидя в тренажере, с восторгом в глазах завершил свой первый полет. Восхищенно поворачивается к Димке и спрашивает: а на настоящих «Разведчиках» так же? Они похожи по ощущениям? А Махов ему в ответ: не знаю, мальчик, не летал, видите ли. Ни одного дня.

Приступ злости захлестнул его. До чего же все это несправедливо!

Он с размаху ударил в стену кулаком.

– Черт!

Димка схватился за ушибленное место. Ему показалось, что кисть как-то сразу посинела и опухла. На месте содранной на костяшках кожи выступила кровь. Не хватало еще перелома до кучи! Как же болит! Махов осторожно ощупал больное место здоровой рукой. Вроде все цело. По крайней мере, странной подвижности он нигде не обнаружил. Видимо, дело обошлось ушибом. Надо быть аккуратнее в своих эмоциях. Опять они его подвели, как тогда, на распределении.

Махов вздохнул. Дурак. Идиот. Кретин! Не смог поступиться своими амбициями! Своим распухшим эго! Место на старте звездолета ему подавай, видите ли! И это после того, как было объявлено во всеуслышание о том, что Илья зачислен в экипаж корабля. Дублирующим экипажем и экипажем поддержки были назначены выпускники московской и словацкой школ. Распоряжение уже подписывалось председателем Совета Министров СССР по оборонной технике и утверждалось первое задание...

А ведь ему предлагали занять место в группе испытаний и «Стены» и новых «Разведчиков»! Нет же! Гордость. Обида. Неисправимая глупость. Мальчишка! Глупый, самонадеянный сопляк, который возомнил себя центром Земли. И то, что он считал на протяжении многих лет своим, должно было достаться только ему...

Махов усмехнулся. Жаль, что об этом знал только он. Сколько всего было выучено, а свой первый не школьный, а жизненный урок он завалил.

В итоге, когда разум взял верх над гордостью, свободные места остались только на Земле.

– Илюша! Как слышно? Прием!

– Слышно хорошо, Михаил Федорович.

– Объявлена минутная готовность.

– Вас понял. Минутная готовность. Занимаю исходное положение.

Махов вышел из учебного центра. Стоило зайти в медпункт и показать свою руку. Пусть специалист посмотрит, мало ли что. Не хотелось бы потом оказаться еще и с деформированной кистью из-за неправильно сросшегося перелома.

Он уже подошел к дверному проему, за которым начиналась лестница, ведущая на первый этаж, но в последнюю секунду вспомнил, что сейчас начнется полет. И что все, включая доктора с медсестрой, сидят сейчас у экранов.

Сперва он решил все-таки спуститься и подождать возле кабинета. Уж очень не хотелось идти в актовый зал, где показывают, как начинает свой полет к звездам Беляков. Но потом до Махова дошло, что трансляция может задержаться на неопределенное время, потому что после

того, как ракета уйдет из поля зрения объективов и камер спутников, может начаться прямое включение из студии телеканала. Лучше все-таки отыскать доктора или медсестру и рассказать о своей проблеме. Пусть займутся им. Нечего смотреть на этого Белякова. Есть дела поважнее.

– Ключ на старт!

– Есть ключ на старт!

– Протяжка один!

– Принято!

– Ключ на дренаж!

– Команда «Пуск»!

– Зажигание! – Голос Коренкова дрожал от волнения. Сам он, мощный, высокий, начавший уже сесть, напрягся, подобно натянутой гитарной струне. – Илюша! Ты слышишь меня, мой мальчик? Даем зажигание!

– Вас понял. Зажигание. – К голосу Белякова теперь добавлялась электронная рябь. Связь не выдерживала одновременной работы всех систем корабля. Там, наверху, все будет по-другому. Но сейчас весь организм рукотворного титана дрожал от распирающей его мощи. Он был готов сорваться ввысь без промедления. Последняя секунда. Последнее мгновение...

– Отрыв!

Дима подошел к матовым стеклянным створкам входа в актовый зал. Здоровая рука легла на резной виток дверной ручки.

– Ура! – Разноголосый вопль нескольких десятков человек грянул неожиданно, громко, мощно. Махов даже немного испугался. В этом едином порыве множества людей, объединенных одной целью, отчетливо слышалась сила. Какая-то первородная, неудержимая мощь, опасная и могущественная, способная преодолеть и подмять под себя любое препятствие, любое сопротивление.

От неожиданности он вздрогнул. Потом все-таки нажал на ручку и открыл дверь.

Травин, не успевший занять сидячее место, стоял возле выхода. Он приподнялся на цыпочки и вытянулся, чтобы не пропустить ни одной секунды начала старта корабля. В помещении стоял заглушаемый звуковыми фильтрами рев улетающей к звездам ракеты. Среагировав боковым зрением на открытие двери, Вова быстро повернул голову, увидел стоявшего в проходе Димку, радостно кивнул ему и повернулся в сторону экрана – как раз в тот момент, когда обтекаемый заостренный нос ракеты дернулся в сторону. На хвосте вспыхнул бутон ослепительно белой вспышки. Титана накренило в сторону, стало ощутимо заваливать вбок, и актовый зал сотрясся от грохота взрыва. Очертания падающей ракеты поглотил огненный шар. Изображение пропало: снимающую аппаратуру выжгло электромагнитным импульсом.

Повисла тишина. Пораженные увиденным люди сидели молча.

– Как же так... – прошептал Вова. Перед его взором на фоне темного экрана отчетливо проявился образ Светы. Как она сидит сейчас у них с Ильей дома, а ее большие, казавшиеся постоянно удивленными светлые глаза наполняются слезами. Беззвучно... Все звуки сейчас пожирает горе. Еще мгновение – и они сожрут тихий стук любящего сердца. Навсегда остановят его. Если Света не закричит...

Сейчас кто-то должен быть рядом с ней! Кто-то должен сказать хоть слово, сделать хотя бы одно движение, чтобы разорвать эту убивающую все живое тишину. Убивающую саму надежду...

Травин сорвался с места. Оттолкнул изумленного Димку и убежал в сторону лестницы. На крышу, к площадке воздушного транспорта.

Махов бросился следом. Пробежал вверх по лестнице, заметив спину Травина, юркнувшего в боковой коридор. Пронесся мимо, подбежал к двери своего учебного класса, рванул на

себя дверь, не обращая внимания на боль в поврежденной руке. Бросился к столу, торопливо набрал номер Центра подготовки. Пока система устанавливала связь, Махов, глядя на пустой экран, заметил в нем свое отражение. Бледное, перекошенное лицо с плотно сжатыми губами и вытаращенными глазами.

Стоило взять себя в руки, а то вместо положительного ответа назначат комиссию и спишут с белым билетом.

Вызываемый Маховым абонент все не отвечал, но это понятно, сейчас там и без него дел хватает. Все на ушах стоят: корабль взорвался, один из лучших космолетчиков погиб. Ну, ничего. Он подождет. Он столько лет ждал, едва не потеряв последнюю надежду. И вот этот день принес ему подарок судьбы.

– Слушаю! – На том конце вышли на связь.

– Добрый день. – Махов вперился в экран блестящими от волнения глазами. – Я хочу подать заявку в исследовательский отряд космолетчиков на освободившуюся вакансию.

Днепровский перевел двигатели «Разведчика» в позицию «ноль» и откинулся в кресле. Последний из заданных параметров был проверен. Сергей внес информацию в память компьютера, после чего активировал систему дальней связи.

– Орбита, я Стрела. Как слышите меня?

– Стрела, я Орбита. Слышу вас уверенно. Доложите обстановку.

– Закончил тестирование корабля. Все системы в норме. Чувствую себя хорошо. Нахожусь в двухстах пятидесяти тысячах километрах от Меркурия. Готов возвращаться на орбитальную станцию «Королев».

– Понял вас, Стрела. Возвращайтесь на станцию. Счастливого пути!

Днепровский отключил связь и ввел в бортовой компьютер координаты начальной и конечной точек маршрута. За трое суток пребывания в космосе он на новой модификации «Разведчика» облетел почти всю Солнечную систему. Корабль был – загляденье: проработанные системы навигации и двигателей делали его самым быстрым из всех, что успело создать человечество. И за эти семьдесят два часа, с небольшими перерывами на сон и еду, Сергей выжал из доверенного ему аппарата все, что только было возможно. Подвергал свое тело перегрузкам в одиннадцать г. Закладывал немыслимые виражи, разгоняя корабль, казалось, сверх максимально возможной скорости.

Теперь можно было позволить себе расслабиться и доверить управление автопилоту. До орбитальной станции оставалось около двух часов спокойного полета. Сергей поудобнее устроился в кресле пилота и закрыл глаза...

Визор мотоциклетного шлема был поднят. В лицо бил встречный поток теплого ветра. Вдоль шоссе проносились поля, дальше, у линии горизонта, медленно проплывали многочисленные деревни и села, светлеющие на фоне темных хвойных лесов. Позади, держа дистанцию, на втором мотоцикле ехала Наташа, которая с воодушевлением поддержала предложение новоиспеченного супруга провести медовый месяц в дороге и добраться на стальных конях от их загородного дома до берега моря.

Казань, Уфа, Челябинск, Екатеринбург, Ижевск, Москва, Волгоград, Кизляр, Махачкала, Дербент, Баку, Тбилиси, Батуми – и наконец, Стамбул.

Сергей бросил быстрый взгляд через плечо, любуясь тем, как супруга сидит в седле. Стройная и прекрасная, любимая и желанная им, похожая на античную богиню. Само совершенство, спустившееся с Олимпа и обретенное им во время скитаний по Земле.

И совсем скоро у них будут два чудесных, красивых ребенка – Вика и Макс...

От мыслей Сергея отвлек звуковой сигнал. Наташе, видимо, наскучило ехать молча, и девушка решила вызвать на связь супруга, чтобы скоротать время в дороге. Днепровский открыл глаза.

Пейзажи необъятной, прекрасной, мирной Родины растаяли. Зелень лесов и полей утонула в черной глубине космоса, покрытого мелкой рябью миллионов светящихся точек. Это был всего лишь сон или воспоминание... Жаль, что ему не снятся вещие сны, как Вовке. У него ведь они всегда сбываются.

Звуковой сигнал повторился. Уже наяву.

Днепровский, не меняя положения тела в кресле, косил глаза в сторону. Сигнал подавал бортовой компьютер. И это был сигнал тревоги.

Сон сняло как рукой. Тренированные мозг и тело уже были готовы среагировать. Искусственный интеллект выдавал наличие прямо по курсу двигающейся цели. Она возникла вне рассчитанных траекторий объектов, которые должны были встретиться по дороге домой, что само по себе было несколько странно. Это свидетельствовало о двух вещах: либо объект был новым для этого сегмента Солнечной системы, и, стало быть, необходимо установить его место в классификации и постараться выяснить причину появления здесь, либо он был искусственного происхождения. Какой-то отработавший свой срок спутник или автономная обсерватория. В общем, нужно установить, что именно так опасно дрейфует прямо по курсу, и передать собранные данные на станцию. Пусть там решают.

Космолетчик сбросил скорость и включил допрадар, сканируя пролегающее впереди пространство. Через несколько секунд на основном экране пульта управления появились строчки информации. Система сканирования распознала находящийся на расстоянии ста километров от «Разведчика» объект, как имеющий искусственное происхождение и кодовый номер US-8911RU.

Днепровский активировал канал связи с орбитальной станцией и, коротко обрисовав ситуацию, передал пакет информации. Через минуту в эфир вышел весьма взволнованный человек, представившийся Львом Николаевичем, старшим дежурным оперативного отдела станции «Королев».

– Товарищ Днепровский! – Голос его дрожал. – Я передал на Землю полученные вами сведения! Вам предписывается немедленно идти на сближение с обнаруженным объектом, а потом активировать спасательный маяк на общей частоте и ждать прибытия спасательной команды, стараясь установить связь с экипажем корабля.

– С экипажем какого корабля?

– Найденный объект US-8911RU проходит по международной классификации, как космический корабль «Гиперион», пропавший несколько лет назад.

Глава третья. Живая

– Надеюсь, Света дома, – вздохнул Днепровский.

Он посадил планер на аккуратно подстриженную лужайку напротив двухэтажного дома.

– Должна быть, – пожал плечами Коренков. – Она мне по связи подтвердила, что дождется нашего прилета.

Вдвоем с Сергеем они вылезли из машины. Днепровский сразу же направился к дому. Пройдя несколько шагов, Сергей заметил, что Михаил Федорович продолжает стоять возле выключенного планера. В ответ на его безмолвный вопрос Коренков только вздохнул. Помешкал еще несколько секунд, а затем нагнал Днепровского.

– Если бы ты знал, как мне тяжело говорить про все это.

– Я понимаю. – Казавшееся вечным жизнерадостное выражение лица Сергея ушло. – Но лучше уж мы. И сейчас.

– Соглашаясь на эту должность, я не думал, что мне придется сообщать подобные новости. – Коренков первым подошел к дому. Поднялся на крыльцо и позвонил в дверь.

– Когда мы пропускаем людей через наши сердца, то волей-неволей становимся частью их жизни, их семьей, если хотите. То, что вы сами решили рассказать новость, несмотря на терзания, говорит о многом. И все в вашу пользу.

– Возможно, ты прав, Сережа. Вы, мои дорогие мальчики, для меня как дети. – Главный инженер позвонил в дверь второй раз. – Вообще ваш выпуск уникален. Пойми меня правильно, я не хочу сказать, что ребята до вас были хуже. Но во всех вас есть нечто такое... В каждом движении, взгляде, слове. Словно вы являетесь переходным звеном между человеком разумным и Человеком Всемогущим.

– Позвольте не согласиться, – быстро ответил Днепровский. – Ничего принципиально отличного от того же прошлогоднего выпуска я не вижу. Мне, безусловно, нравится ваша теория, поскольку я там оказываюсь в весьма привлекательном положении. Но считаю, что главным отличием того года от этого является более совершенная техника. «Надсветовые» наконец-то вышли в серийное производство. Скоро вопрос о расстоянии, как сдерживающем факторе прогресса человечества, исчезнет навсегда. Мы просто родились в нужное время и в нужном месте.

– Появятся новые вопросы и новые сдерживающие факторы. Всегда будет к чему стремиться. И здесь ты, мой мальчик, все-таки не прав. Появление возможностей еще не значит продолжение прогресса. Вспомни историю древнего Рима. Передовые технологии и идеи, лучшие античные умы, ресурсы. И что в итоге? Цивилизация погрязла в достатке. Человек перестал стремиться к самосовершенствованию. И в результате древний Рим вымер в процессе естественного отбора.

Речь Коренкова прервал щелчок замка. Дверь отворилась, на пороге появилась Светлана. Взгляд ее больших, светлых глаз остановился на стоявшем впереди инженере, и девушка с улыбкой кивнула ему:

– Доброе утро, Михаил Федорович!

И тут она заметила стоящего за его широкой спиной Днепровского.

– Сережка! – вскрикнула Света и бросилась обнимать парня. – Сколько лет!

– Если световых, то много, – добродушно рассмеялся Днепровский, обнимая ее. – Как же я рад тебя видеть!

– Он не мог выжить! – Первый помощник смотрел на часы. Стрелки неотвратимо приближались к отмеченному трехчасовому рубежу. За ним сохраняющаяся до этого призрачная надежда будет безвозвратно утеряна. Приближались... Нет, черт побери! Они неслись по

циферблату со скоростью метеора! Затормозить бы их хоть на минуту! А лучше на десять минут...

– Он не выжил, – повторил первый помощник. – Не смог, Михаил Федорович.

– Что значит «не смог»? Должен был! Не для того мы не спали ночами, чтобы он не выжил сейчас! Защита капсулы рассчитана на трехчасовое пребывание в эпицентре термоядерной реакции без летального исхода, – угрюмо бросил Коренков.

– А если не найдут? Не успеют? Там огненное месиво. Поисковые приборы либо выведены из строя, либо бесполезны! Спасатели идут буквально на ощупь.

– Должны успеть!

– Миша, да что же мы стоим-то здесь?! – Первый помощник схватил Коренкова за руку, глядя тому в лицо мокрыми от слез глазами. – Не успеют найти, родимые! Там же радиус поражения – почти пять километров сплошного огня! Как же в глаза Светлане Андреевне после этого смотреть? Не уберегли...

– Ты предлагаешь нам туда полететь? Так сами погибнем и другим будем только мешать! Там же спасатели работают, профессионалы с опытом! Ты когда в последний раз был в эпицентре термоядерной реакции?

– Я даже защитный костюм ни разу не надевал, – поникшим голосом произнес первый помощник.

– Значит, сидим здесь и ждем положительных известий. Другого не остается.

– Да. Ты прав, Михаил Федорович. Вести будут положительные.

Коренков моргнул, отгоняя неприятные воспоминания. В последний момент вспомнился звонок от командира одного из спасательных отрядов. Каждая из команд работала посменно, в строго отведенных квадратах, на которые была оперативно поделена зона поиска. Сменный график позволял людям, облаченным в скафандры высшей категории защиты, не получать облучения. Новая группа грузилась в десантную машину, та поднималась в небо, замирая точно над обозначенным местом поиска. Высадившиеся шли практически вслепую, укрываясь ростовыми щитами от полыхающего вокруг огня. Медленно, в сцепке друг с другом, спасатели прочесывали территорию, стараясь уложиться в регламентированные двадцать минут. Когда до истечения отведенного времени оставалось пять минут, центральные в связке подавали сигнал соседям. Когда люди, передав информацию по цепочке, собирались вместе, старший поисковой группы выстреливал ракетницей вверх. Любая другая связь в условиях зашкаливающего радиационного фона была невозможна. И пока отработавшие свое время группы переводили дух, жадно поглощая воду и чистый кислород, новые отряды спасателей отправлялись в крошечный ад, чтобы отыскать отстрелившуюся от гибнувшего корабля пассажирскую капсулу. Это произошло за мгновение до взрыва и потому не было замечено камерами. Капсула не попала под удар какого-либо из прямых поражающих факторов: в момент взрыва наружные и внутренние термодатчики мгновенно фиксировали повышение температуры сверх предельно допустимого значения, срабатывали пиропатроны, и капсула пассажирского отсека элементарно отстреливалась на манер банальной катапульты времен старых самолетов.

По истечении трех с половиной часов, когда вот-вот должен был поступить приказ об отмене поисковой операции, спасатели дали сигнал об обнаружении капсулы. Два грузовых планера, заякорив при поддержке все тех же сухопутных отрядов долгожданную находку, взмыли с ней ввысь. На экстренно созванном заседании чрезвычайной комиссии Коренков узнал о том, что большая часть людей из поисковых отрядов, несмотря на специальную защиту, все-таки схватила высокие дозы радиации. Позже выяснилась и причина произошедшего.

Как оказалось, все сотрудники спасательных команд добровольно приняли решение о продлении каждого из временных отрезков на несколько минут. Они задерживались в эпицентре, чтобы отыскать гибнущего человека. Окончательное решение вопроса о взыскании решено было отложить до полного выздоровления всех членов спасательной операции. Врачи

отделения лучевых и химических болезней, а также отделения дезактивационной терапии обещали выписать последнего из спасателей на амбулаторное наблюдение и санаторное восстановление уже через две недели. Чего нельзя было сказать о космолетчике Белякове.

По отношению к Илье врачебная комиссия отказывалась называть хоть какие-то сроки, давая понять руководителям полетов, друзьям и родственникам, что вопрос выживания в ближайшие дни может быть закрыт вообще. У парня был сломан в двух местах позвоночник, раздроблены кости таза и нижних конечностей, сломана грудная клетка, коллабировано правое легкое с прогрессирующим гемотораксом. Термический ожог семидесяти процентов кожного покрова. Радиационное поражение спинного мозга, органов иммунной защиты и клеток крови.

Каким чудом в этом изуродованном теле еще держалась жизнь, оставалось загадкой.

Затем был длительный курс патогенетической, симптоматической, регенерационной, заместительной и шут знает еще какой терапии. Несколько операций, в том числе по пересадке спинного мозга и наращиванию кожного трансплантата. После двухмесячного пребывания в заживляющем и регенерационном растворах, после бесконечных переливаний доз плазмы, Илью выпустили из больничного заточения домой. Правда, на порядочной дозе иммуносупрессивных препаратов и с продолжительным комплексом лечебной и восстановительной гимнастики.

Так завершилась очередная попытка людей преодолеть сдерживающее их расстояние до ближайших звезд.

– Чего вы стоите-то? – улыбнулась Света. – Проходите. Не знаю, будет ли он рад видеть вас, но очень надеюсь, что лица старых знакомых разрядят обстановку. – Войдя в уютный холл с широким окном, она продолжила: – В последнее время даже мне стало тошно. Нескончаемая рутина процедур, и нет никакой возможности что-то изменить. Но мне легче, ведь я здорова. – Она замолчала на несколько секунд. – Иногда мне кажется, я могу представить, каково ему. Но потом я смотрю ему в глаза и понимаю, что ошибаюсь. – Девушка повернулась к Днепровскому, с отчаянием и мольбой глядя ему в глаза: – Он сейчас сам не свой. – В ее голосе послышалась дрожь. Удерживаемые внутри эмоции готовы были прорвать несокрушимую плотину внешнего спокойствия и хлынуть наружу двумя водопадами слез. – Хочет, чтобы я оставила его. Гонит меня прочь. Ругается, говорит, чтобы я уходила. Чтобы нашла себе другого! А я не хочу. – Она тихо всхлипнула. – Я люблю его. Я не хочу без него... Я не смогу...

– Успокойтесь, Светочка. – Коренков ободряюще положил руку ей на плечо. – Надеюсь, вы окажетесь правы и наш с Сережей визит сможет взбодрить вашего супруга.

– Я тоже на это надеюсь. – Светлана указала рукой на диван, стоявший возле огромной панели телевизора: – Присаживайтесь. Он пока наверху. Через одиннадцать минут заканчивается курс плазмодифльтрации. Последний. – Девушка счастливо улыбнулась.

Гости приняли приглашение и сели.

– Принести чего-нибудь? Чай, кофе, сок, вода?

– Мне сок или воду, – кивнул Днепровский. – Больше ничего нельзя.

Рядом с ним раздался какой-то непонятный звук, как будто кто-то часто колотил пальцами по стеклу. Сергей посмотрел в ту сторону: рядом с открытой фрамугой в стекло была своими большими, яркими крыльями бабочка.

Светлана проследила за взглядом Днепровского, подошла и аккуратно сгребла нежное создание в ладони.

– Поможешь? – Она посмотрела на космолетчика. И пояснила на всякий случай: – У меня руки заняты.

– Конечно! – Сергей вскочил с дивана и открыл окно.

Девушка высунула в проем руки, осторожно раскрыла сомкнутые лодочкой ладони. На одной из них тотчас же расцвел яркий цветок. Качнул несколько раз тончайшими крыльями, словно проверяя, не повреждены ли они.

– Как там? – Света смотрела вслед удаляющейся бабочке.

– Наверху? – уточнил Днепровский.

– Да. Среди чужих звезд. Есть ли где-нибудь еще такая же безумно красивая планета? Живет ли на ней кто-нибудь? И если да, то заботятся ли о своей планете ее обитатели? Берегут, как мы, или же безумно отравляют, как наши недалекие предки?

– Я не могу ответить на твой вопрос. Я не был возле чужих звезд. Из наших там побывал только Махов.

– А ты был в пределах Системы?

– Да. Но сейчас с верфей вот-вот сойдут еще два межзвездника. И на одном из них мы хотим прокатиться.

– Куда?

– Звезда Лейтена, – вмешался в разговор Коренков. Светлана повернулась к главному конструктору, внимательно глядя на него, и тот продолжил: – Собственно говоря, это касается и вашего супруга.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Сейчас поясню.

– Я за соком на кухню, – доложил Днепровский.

– Как вам известно, в день катастрофы с Ильей вот этот космолетчик, – Михаил Федорович кивнул в сторону скрывшегося Сергея, – обнаружил пропавший восемь лет назад корабль «Гиперион», на котором много лет назад ушла в космос команда испытателей. В ее составе был отец Ильи. Как удалось выяснить, на обратном пути произошла авария в «надсветовых» двигателях. В результате корабль сместился с запланированной траектории. В это же время искусственным интеллектом системы управления была предпринята ошибочная попытка восстановить работу двигателей, из-за чего вышли из строя все системы, находящиеся в одном цикле. Видите ли, огромный размер «надсветовых» привел к увеличению веса самого корабля. Для уменьшения веса, необходимого для разгона в условиях Земли, было решено уменьшить размер «Гипериона». В том числе было уменьшено пространство технического отдела, и у инженерной службы не было свободного пространства для изолированной коммутации всех систем. Очень много узлов ушло в последовательную цепь. – Коренков замолчал, а потом тяжело вздохнул: – Оставшийся без связи и навигации экипаж, тем не менее, высчитав направление движения по звездным константам, смог на протяжении нескольких лет двигаться в сторону дома. К сожалению, без нормально функционирующей системы навигации и сканирования, полагаться все время на удачу при столь длительном полете... – Коренков вздохнул еще раз. – Около двух лет назад корабль получил повреждение при столкновении с метеором. Пробоины в обшивке удалось избежать, но дефект был столь обширный и глубокий, что вывел из строя установку регенерации кислорода.

– Какая ужасная смерть! – ахнула Света.

– Не ужаснее, чем любая другая, – развел руками Коренков. – Мы не стали делать официальное заявление об обнаружении «Гипериона». Открытая информация могла навредить процессу выздоровления Ильи. К тому же мы столкнулись с одним интереснейшим обстоятельством. Как выяснилось в ремонтно-исследовательском доке орбитальной станции, системы ближней и дальней связи вышли из строя, так сказать, в одностороннем порядке. «Гиперион» не мог посылать сигналы. Но, как оказалось, он их принимал. Правда, в связи с произошедшей аварией дешифровка входящих импульсов была невозможна. Грубо говоря, все восемь с небольшим лет своего путешествия корабль являлся хранилищем поступающих сообщений. Когда это выяснилось, блок информации был отправлен на расшифровку. Все сообщения в нем принадлежали кораблям с Земли, в том числе пытавшимся отыскать пропавшего, и пролетавшим в относительной близости всевозможным станциям и спутникам, не задействованным в поисках «Гипериона». Все, кроме одного сигнала.

Днепровский, вернувшись с кухни с двумя стаканами сока, уже выпил оба и теперь ходил по холлу, рассматривая висевшие на стенах фотографии.

– Нам удалось установить по точке входящего сигнала и направлению потока волны, что полученный сигнал имеет внесистемное происхождение. Он прибыл к нам из соседней звездной системы. Что-то более конкретное выяснить не удалось. Ни один из дешифраторов, примененных за этот год, так и не смог решить эту загадку. Поэтому, когда стало ясно, что в ближайшее время будет готов новый межзвездник, Верховным советом было принято постановление о снаряжении экспедиции в систему звезды Лейтена. Для выяснения деталей, как говорится, уже на месте.

– Вы уверены, что сигнал шел именно из этой системы?

Все трое обернулись. Возле лестницы, ведущей на второй этаж, стоял Илья. Одно его плечо было заметно ниже другого. Лицо пересекало два продольных келоидных рубца, выделяющихся своей синевой на фоне пергамента обожженной кожи.

– Глобушки-воробушки! – вырвалось у Днепровского. – Да ты отлично выглядишь! Я думал, тебе совсем плохо.

– Да. Есть немного. – Беляков, усмехнувшись, медленно подошел к другу. – Но сказали, что жить буду. И со временем, может быть, даже удастся вернуться к прежним настройкам. – Он поздоровался с гостями. – Вы уверены, что сигнал шел именно из системы звезды Лейтена?

– Вне всякого сомнения, – кивнул Коренков. – Еще в семнадцатом году было подтверждено наличие у этой звезды двух планет. И одна из них, под кодовым названием GJ273b, – подтвержденная экзопланета. Тогда же к ней было отправлено три радиосигнала с расчетным временем прибытия к тридцатому году. Вполне вероятно, что этот сигнал есть не что иное, как попытка установления контакта с нами.

– Стало быть, планета живая.

Глава четвертая. Непрístupная

Стреловидный корабль белым росчерком пересек ближайший к планете сегмент космоса. Разрезая первозданную космическую черноту соплами надсветовых двигателей, «Разведчик» неудержимо рвался к своей цели.

Инфракрасный спектр обзорного экрана выдавал невероятную картину. Кроваво-красная поверхность планеты с многочисленными рубиновыми обручами атмосферных завихрений. Северный полюс Сатурна казался вратами самого последнего из кругов Ада, описанного Данте. Он смотрелся еще более зловеще с ярко-голубыми рваными кольцами полярного сияния. Полюс находился прямо над невероятным атмосферным феноменом и выглядел как гигантский шестиугольник с длиной поперечника в двадцать пять тысяч километров.

Неприветливая и до сих пор не покоровившаяся разуму человека планета предстала во всей своей недружелюбной красе, словно давая понять: свой главный секрет она раскроет только тем, кто будет готов навсегда остаться с ней. Узнавшим ее тайну обратного хода нет.

– Орбита! Я Фотон-1. Иду на сближение. Из-за отсутствия связи принимаю решение: при невозможности следовать заданному курсу покидаю атмосферу, выхожу в зону эклиптики планеты и жду дальнейших указаний. При благоприятном раскладе время на поиски – два часа.

– Фотон-1, я Орбита. Понял тебя. Рабо...

Связь прервалась. Федотов заложил крутой вираж, повернув корабль практически на бок. Через мгновение видимость на обзорном экране резко ухудшилась. Бортовые системы моментально ответили сигналом тревоги, сигнализируя о повышенном магнитном фоне и бушующей за бортом атмосфере.

Как было доложено на предполетном разборе спасательной операции, данная шестиугольная «конструкция» своей верхней, вращающейся против часовой стрелки, видимой частью зиждется на так называемых «стенах», которые уходят вглубь атмосферы на добрую сотню километров. В инфракрасном диапазоне на них можно было увидеть светлые участки гигантских прорех разряженной атмосферы – наиболее безопасные точки входа в беснующуюся атмосферу кольценосной газовой планеты.

Неожиданно сильный порыв ветра ударил «Разведчика» в бок. Корабль качнуло в сторону, но пилот быстрым движением штурвала вернул машину на прежний курс.

Какая неукротимая и невероятная мощь чужой, непонятной природы! Он едва прикоснулся к самому верхнему слою атмосферы и тут же получил предупреждение, что ему здесь не рады.

«Ты не испугался моего внешнего вида, наглый, самонадеянный человек! Возомнил себя богом, который сильнее целой планеты! Не повернул назад, в свою теплую обустроенную нору, приблизился, дотронулся. Так почувствуй самую малую толику ярости той стихии, с которой ты, безумец, собираешься вступить в бой! И уходи. Уходи, пока не поздно, и ты останешься жить. Мне не нужна твоя кровь. Но я возьму ее без промедления, ибо такова плата за мой секрет. У тебя есть выбор: принять мою цену и заплатить, или уйти прочь.

Ну, что ж... Значит, ты все-таки выбрал смерть».

Справа от «Разведчика» атмосферу планеты прорезала гигантская ветвистая молния. Родилась яркой вспышкой, перечеркнула наискось небо сверху вниз, справа налево, прямо перед кабиной корабля. Ветер неожиданно ударил прямо в лоб, разворачивая корабль.

Федотов вцепился в штурвал изо всех сил, стараясь удержать машину в нужном направлении. Но даже самый совершенный двигатель и самая яростная сила воли не смогли преодолеть мощь урагана, несущегося с сокрушительной скоростью.

Он успел разглядеть, как слева и впереди по курсу атмосфера стала закручивать какие-то безумные, уплотняющиеся на глазах клубки, из которых ударило сразу три молнии – на этот раз

прямо вниз, в непроглядную толщину атмосферы. Подобием живой стены или проснувшегося стража они преградили дальнейший путь чужаку.

«Ты не внял двум предупреждениям. Так смотри, что ждет тебя впереди!»

Корабль развернуло, швыряя вглубь, туда, где расцвела новая гигантская молния. Лишившийся управления «Разведчик» понесся в противоположную сторону, с каждой секундой удаляясь от того места, где предположительно погибал еще один их товарищ...

Предполетное совещание было коротким. Долго что-либо объяснять не требовалось.

Шестая планета солнечной системы до сих пор, несмотря на технологический прогресс, плохо поддавалась изучению. Были скрупулезно просчитаны ее орбитальные параметры и физические характеристики, проанализирован химический состав атмосферы. Но на этом, по сути, все знания и заканчивались. Любые попытки проникнуть в ту самую атмосферу заканчивались полным поражением. Ураганные восточные ветра со скоростью до пятиста миль в секунду сокрушали все на своем пути. Но самым непреодолимым препятствием было сильнейшее во всей Солнечной системе магнитное поле планеты. Ни одно техническое средство не могло преодолеть более десяти километров. Каждая из попыток оканчивалась одинаково: спускаемый аппарат практически сразу переставал отвечать на сигналы. Пакеты электроимпульсов от него продолжали поступать еще несколько секунд, после чего все прекращалось.

Надежда оставалась только на увеличение скорости запускаемых аппаратов. Чем быстрее летит пущенное из пушки ядро, тем больше шанс пробить им неприступную стену.

Как оказалось, сотрудники отделения, занимающегося проблемой изучения Сатурна на Земле и в условиях орбитальной станции «Королев», негласно разделились на два враждующих лагеря. С одной стороны, поборники предложения о прекращении безуспешных попыток приводили свои резонные доводы, опираясь на статистику неудач. С другой стороны, меньшая группа энтузиастов, оперирующая математическими расчетами, доказывала вероятность успеха при условии наращивания потенциала ключевых параметров.

Все дальнейшее произошло после того, как группе энтузиастов удалось договориться с руководством о запуске нового дистанционного аппарата. Целью исследования была выбрана область Большого белого пятна, представляющего собой зону сильнейших атмосферных штормов, возникающих с четкой периодичностью, равной двадцати девяти целых и пяти десятых года, что составляло период обращения Сатурна вокруг Солнца. Словно по окончании полного витка что-то в глубине газового гиганта начинало новый цикл, результатом которого и становилась эта атмосферная аномалия.

Больше ничего сказать о ней было нельзя. Новая информация по понятным причинам была недоступна – до тринадцатого года, когда были опубликованы данные последней на тот момент инфракрасной съемки вновь появившегося Большого белого пятна. Они показали, что температура верхних слоев атмосферы повысилась на шестьдесят градусов, а облака поднялись на сорок километров выше обычного уровня. Все это могло быть следствием работы какого-то мощного источника энергии, скрытого под фронтом непроницаемой облачности, которую на этот раз решено было во что бы то ни стало пробить.

Шестнадцатого апреля дистанционный спутник ушел в беснующуюся атмосферу Сатурна. Вход был выполнен в новой расчетной точке – в районе полюса с медленно вращающимся на нем гигантским шестиугольником. Исследование данного феномена также пока ничего конкретного не принесло. Удалось только выяснить, что это атмосферное образование – структура весьма устойчивая и что за прошедшие десятки лет она не претерпела каких-либо значительных изменений. Контрольные измерения в инфракрасном спектре подтвердили наличие устойчивого атмосферного каркаса, что само по себе было явлением весьма странным и непонятным.

Ушедший в один из участков разряженной атмосферы аппарат, как и планировалось, почти сразу перестал отвечать на сигналы запросов. Через несколько секунд перестали поступать пакеты передаваемой информации.

Помрачневшие энтузиасты, уже представляющие ликование группы скептиков, взялись за расшифровку полученных сведений и сразу увидели одно маленькое, но существенное отличие от всех предыдущих попыток. Дистанционный аппарат, по каким-то неясным причинам, передавал сигнал на одну секунду дольше своих предшественников. Группа энтузиастов с замиранием своих оптимистично настроенных сердец начала обработку полученной информации. То, что им удалось обнаружить, повергло в шок.

Среди стгущающихся темно-багровых туч и помех из-за встречных потоков ветра, на краю последнего кадра отчетливо была видна зона интенсивного излучения энергии – яркое красное пятно. Тщательная обработка фильтрами выдала следующую картину.

Аппарату удалось заснять неизвестное землянам техногенное устройство. Видимая часть представляла собой гладкий полукруглый край, испещренный непонятными выступающими элементами и геометрически точными бороздами и углублениями. Посреди всего этого довольно отчетливо можно было разглядеть вдавленный круг с подобием нанесенного внутри рисунка: три круга разного размера, находящиеся внутри друг друга. Все три соединялись в своих нижних точках.

Что тут началось после этого открытия...

Группа энтузиастов, мгновенно пополнившись сторонниками, теперь заняла воинствующую позицию. Причем, в первых рядах, сильнее других размахивая флагами, шли вчерашние непримиримые оппоненты. Их расчеты оказались верны и дали ошеломляющий результат! Вещественное доказательство существования техногенной внеземной цивилизации! С другой стороны, потерявшие часть позиций скептики вовсе не собирались выкидывать белый флаг. Смоделированная ими система математических расчетов показала вероятность того, что последние кадры вполне могли оказаться не то что бы подделкой... но вот наличие артефакта...

Снижение дистанционного аппарата в последнюю секунду на несколько десятков метров глубже непреодолимого ранее рубежа. Как следствие – выход его под верхний слой атмосферы, в предполагаемую зону тучевого скопления. А там – интенсивная электрическая активность, рождающая молнии колоссальных размеров. Близкая вспышка молнии вполне могла стать причиной подобного изображения. Что уж говорить о том, что эти кадры были выполнены в момент агонии аппарата. Стоит ли вообще брать их в расчет?

Спор решено было прекратить на самом верху. Созданное в экстренном порядке Министерство внешних связей, руководствуясь постановлением Верховного совета, приказало направить к Сатурну пилотируемый аппарат. В задачи экипажа входили: непосредственно полет к Сатурну в районе Северного полюса, проход через зону гексагона и попытка проникновения в нижние слои атмосферы. А также поиск объекта, предположительно искусственно происхождения и, при его обнаружении, визуальное исследование на максимально близкой дистанции.

Здесь было сразу два неоспоримых преимущества. Как упоминалось выше, решалась давняя проблема с невероятно мощным магнитным полем планеты. Атмосфера содержала огромное количество магнитного водорода, что, вкупе с появлением нового источника энергии, делало любое проникновение технических средств в зону магнитосферы весьма проблематичным. До сегодняшнего дня все дистанционно управляемые аппараты выходили из строя, главным образом, вследствие повреждения чувствительной электронной начинки. Инженерами конструкторских бюро поднимался вопрос об усилении внешней экранированной защиты, и это предложение могло бы стать ключевым в решении вопроса, если бы не одно обстоятельство. Тоже ключевое, между прочим. Увеличение толщины защиты автоматически сводило на нет прием входящих сигналов. Одним словом, дистанционно управляемый аппарат пере-

ставал быть, собственно говоря, управляемым. Отправка же к Сатурну управляемого экипажем корабля позволяло увеличить внешнюю защиту. О том, что управление корабля живым человеком давало целый ряд преимуществ, можно было не говорить. Единственной проблемой оставался высокий риск гибели космолетчика.

Но пришедшие по распределению два крайних выпуска были хороши: смелые, отчаянные, решительные. Не боящиеся брать на себя ответственность и рисковать жизнью. С четким осознанием того, что риск – не какое-то абстрактное слово.

Смелые и решительные. Все как на подбор... богатыри, мать вашу!

Федотов восстановил управление и попытался развернуть машину. Тщетно: поток ветра не стихал. Его относил все дальше на восток, в противоположную сторону от точки проникновения. И все дальше от предполагаемой зоны поиска!

– Связь появилась?

– Никак нет! – Дежурный диспетчер зоны полетов, не снимая наушников, повернулся к Пешеходову, заместителю председателя комитета. – Третий час пошел, Сергей Николаевич.

– Знаю. – Пешеходов оперся кулаками о стол. – Ты предложить что-то хочешь? – спросил он у Головни, начальника отдела распределения полетов. – Если так, то предлагай. Впустую все могут говорить. Конкретики не вижу. Не дал мне отговорить мальчишку! Приказ, мол, самого Верховного совета...

– Но ведь приказ же. – Натан Иванович Головня развел руками. – За промедление, сам же знаешь, по голове никто не погладит.

– Можно было повременить. Подготовить ответ с обоснованием и рекомендациями специалистов технического и инженерного отделов. Задержаться хотя бы на месяц. Сколько там эта хреновина болтается? Миллиард лет? Месяц без нас уж как-нибудь могла бы потерпеть!

– Месяц ничего бы не дал, – упрямо возразил Головня. – И два ничего бы не дали. Наверху правы.

– Мне с парнем-то что делать? Как его доставать оттуда?

– Не знаю.

Какое-то время они молчали. Наконец Пешеходов, вздохнув, нажал сенсорную кнопку местной связи. Через четыре длинных гудка на том конце связь подтвердили, и на экране появилось немолодое лицо с густыми, заметно седеющими усами.

– Отдел ЧС. Дежурный Кононков на связи.

– Приветствую, – кивнул Пешеходов. – Федотова ко мне. Срочно.

Впереди и слева по борту «Разведчика» беснующийся штормом атмосферный океан вновь разразился целой серией грозowych залпов.

По сетчатке глаз ударила близкая яркая вспышка. Федотов перевел режим прозрачности обзорного экрана на затемненный и увеличил интенсивность инфракрасного режима. Океан за бортом мгновенно окрасился рубиновыми тонами с ярко-красными плотными витками облаков, за которыми, подсвечивая последние, часто-часто зажигались разряды молний.

– Это вообще возможно? – Заместитель председателя комитета смотрел на спасателя.

– Трудно сказать, – пожал плечами ветеран. – Цикл только набирает обороты. Атмосферные изменения еще не вышли на пик. Формирование Большого пятна в самом начале.

– Знаю, что глупо. Знаю, что безрассудно, – кивнул Сергей Николаевич. – Если не пойдемь – пойму.

Федотов посмотрел на мониторы. На одном из них камера в инфракрасном спектре снимала участок формирования воздушного завихрения. Гигантское воронковидное образование

медленно набирало скорость. Его клубящиеся края то и дело озарялись всполохами молний, зажигающихся глубоко внутри.

– Говорите, молодой совсем? – наконец спросил он.

Мозг еще не успел обработать полученную информацию, а мышцы уже выполнили слаженное действие. Федотов рванул штурвал в сторону. Рядом, на том самом месте, где он только что находился, атмосферу прошила гигантская молния. Сокрушительный треск, казалось, выбил все акустические системы «Разведчика». Электрический разряд невероятной силы буквально испепелил часть клубящегося грозового фронта. И только сейчас, следя за ним взглядом, Федотов заметил кувыркающееся в воздухе темное пятно потерявшегося корабля. А руки уже вновь действовали, коротким щелчком посылая вперед контактные атравматические гарпуны для захвата цели. Возвратный сигнал датчиков возвестил о надежном стыке, и спасатель мгновенно подал всю имеющуюся энергию на хвостовые двигатели, стараясь начать смещение в сторону периферии атмосферы.

Однако вместо этого «Разведчика» стало медленно, но неотвратно тянуть назад, в сторону переставшего кувыркаться кораблика, который, будучи без управления, стал смещаться, затягиваемый в формирующийся рядом новый атмосферный клубок багрового ужаса. В неверном блеске очередного электрического разряда Федотову на секунду померещилось очертание змеиног череп, разевающего клыкастую пасть.

Федотов активировал резервные источники энергии. Включил турбинные подкрыльные двигатели, прекрасно понимая, что эти малышки, использующиеся только для короткого ускорения или маневров, вряд ли помогут ему. Но надо же делать хоть что-то!

Держащийся на сцепке неуправляемый кораблик уже начал скрываться в клубящемся вихре.

Спасатель зарычал, всем весом наваливаясь на штурвал корабля, словно его сила могла разогнать «Разведчика» еще чуть-чуть... На ту толику, которая будет решающей в этой борьбе, позволит взять вверх тандему машины и человека над враждебной, неприступной стихией. Хотя бы в этом одном бою.

В плече что-то хрустнуло, и резкая боль полоснула до самой поясницы. Федотов охнул от боли, осел. Порванная от напряжения жила выбила его из борьбы. Что-то длинное и гибкое пронеслось мимо обзорного экрана: одно из креплений на гарпуне не выдержало перегрузки. «Разведчика» развернуло в сторону.

«Ну, вот и все, ребята! – пронеслась шальная мысль. – Не поминайте лихом».

Справа, обгоняя корабль Федотова, из клубящегося месива вынырнул еще один корабль класса «Разведчик». Четким выстрелом всадил свои гарпуны. Преодолевая ламинарные течения попутного потока, встал впереди, качнул крыльями, подсвечивая бортовыми огнями сигнал «следуй за мной». И сорвался вперед, набирая скорость.

– Мальчишка же еще совсем.

Кирилл почувствовал, как лицо его наливается краской. Лучше бы они говорили все это потом, когда уйдут из палаты. Не при нем. Не хочет он лежать и выслушивать все эти смешки и упреки, притворяясь спящим. Хорошо, что лицо загорело настолько, что уровень его пристыженности почти не заметен. Нет... Не пристыженности, а стыда! Мало того, что сам чуть не погиб, так еще подверг опасности жизни своих товарищей. Глобушки-воробушки, как сказал бы Днепровский, как же стыдно! И от этого еще более противно и... Одним словом, провалиться хочется. Прямо сейчас и поглубже. Скажем, на пару этажей вниз. Можно прямо с этим многофункциональным ложем, которое до сих пор называют устаревшим, допотопным словом «койка» или «кровать».

– Лучший оператор испытательной системы «Стена», – вступился за Капустина второй. – Почти полтора года на Солнце. – Судя по интонации и выговору с заметным украинским акцентом, это был Натан Иванович Головня, начальник отдела распределения полетов. Голос первого Кириллу, продолжавшему лежать с закрытыми глазами, не был знаком.

– Ну, так и оставался бы на своей «Стене». Какого лешего он ушел оттуда? Ведь класс у машин совершенно разный! И специфика у каждой своя. Если ты космолетчик, это еще не значит, что ты можешь летать на всех видах кораблей с одинаковой эффективностью. Хотя вот товарищ Махов делает определенные успехи в универсализации профессии. Слышал?

– Да, что-то подобное говорят. Уникум. Коэффициент Шпенглера – шесть целых пятнадцать сотых, представляешь?

– Что-то у него пульс опять начал вверх ползти. —Натан Иванович, по-видимому, посмотрел на один из настенных мониторов. – Это же пульс, Гена, да? Там, где сердечко нарисовано?

– По всей видимости.

– Будь другом, сходи за врачом. А я тут покараулю.

– Да, конечно. – Обладатель незнакомого голоса, названный Геннадием, вышел из комнаты. Стало тише.

Кирилл, не открывая глаз, глубоко вздохнул.

– Надо же. – Голос Натана Ивановича раздался совсем рядом с кроватью и звучал уже веселее. – Сам догадался.

– А вы когда догадались? – угрюмо спросил Капустин.

– Когда сердцебиение твое вверх полезло. Да открывай ты глаза уже! Хватит притворяться.

– Как же мне стыдно... – Кирилл открыл глаза, посмотрел на Головню и сел на постели. – Никогда себе этого не прощу. – Он с раздражением начал отдираять от себя датчики медицинского контроля. – Подвергнуть чужие жизни опасности... И все из-за моей глупости! – Космолетчик опустил голову. – Простите меня, Натан Иванович. Я был не прав. Готов понести любое наказание.

– Пожизненное отстранение от полетов, – тут же ответил начальник отдела. При этих словах Кирилла словно стегнули кнутом. Он вздрогнул. В глазах его на долю секунды вспыхнула злость. Но затем она ушла, оставив только затуманивающее взгляд равнодушие. Ко всему. С этой минуты.

– Есть пожизненное отстранение от полетов, – совсем тихо произнес он. И добавил, уже более четко и зло, с вызовом сложившейся судьбе: – Разрешите выполнять?

– Отставить. – Головня махнул рукой. – Не расстраивайся, Кирилл. Никто тебя отстранять не станет. Сейчас хорошие космолетчики позарез нужны! С верфей вот-вот уйдут в глубокий космос сразу несколько кораблей. Совет настроен развивать изучение систем. Нужны новые виды энергии. Нам уже становится мало того, что мы достигли. Представляешь? Всего несколько месяцев назад надсветовые казались пределом возможного. А теперь и они уже считаются устаревшими. Пусть только в умах. Пусть пока что на бумаге. Но ведь с этого все начинается! Разбрасываться ценными кадрами в такой момент, как минимум, неразумно. А коль мы с тобой носим гордое звание «человек», то разумными быть просто обязаны.

То, что ты разозлился и не стал оспаривать приговор, делает тебе честь. Так что наказывать тебя точно никто не будет. Тебе вообще повезло, что пара «Разведчиков» совершенно случайно наткнулась на твой корабль и смогла взять тебя на сцепку. А то так и мотало бы тебя по орбите еще несколько лет.

Материалы, которые тебе удалось достать, не имеют аналогов. Их мало, – развел руками Натан Иванович, – и они все не лучшего качества, надо признать. Но зато теперь у нас есть

неопровержимые доказательства того, что атмосферой Сатурна управляет некое внеземное технократичное устройство.

– Это точно?

– Почти на сто процентов, – кивнул Головня. – Если бы тебя не снесло в сторону и ты смог бы подлететь поближе... хоть бы на пару сотен метров!

– Ну, хоть что-то хорошее.

– А теперь скажи мне одну вещь, Кирилл. – Тон Головни переменялся, стал строже. – Почему ты перевелся сюда?

– Честно?

– Конечно, честно! Ты же, как-никак, коммунист. И товарищей обманывать, стало быть, не имеешь права.

Кирилл замолчал. Натан Иванович не торопил его. Впрочем, парень принял решение быстро, секунд через двадцать.

– Из-за нее, – наконец произнес Капустин.

– Из-за кого? – Глаза Головни округлились.

– Из-за Татьяны.

– С отдела... – начал Головня.

Кирилл молча кивнул.

– Вот тебе раз! – Натан Иванович казался растерянным. Должно быть, впервые за много лет. Услышать такой ответ он явно не ожидал и теперь смотрел на Кирилла, решая, что может или должен сказать в сложившейся ситуации. А ситуация складывалась...

– Влюбился? – спросил Головня.

– Да, – вздохнул Кирилл.

– Как мальчишка?

– Да... – снова вздохнул космолетчик. – Именно так.

– И хотел своим смелым поступком впечатлить ее?

Капустин только пожал плечами. Он в очередной раз вспомнил, когда впервые увидел ее. Это было здесь, на «Королеве», в кабинете заместителя руководителя полетов. Самого Пешеходова дернули в какую-то дальнюю командировку, и вместо него прилетевшего Кирилла встречал Натан Иванович – временно исполняющий обязанности.

Дверь открылась, и вошла она.

Кирилл бросил взгляд в ее сторону и замер. Даже перестал дышать. Он испугался, что малейшее движение просто-напросто разрушит эту хрупкую картинку. Этот мираж, ибо реальностью она быть просто не может – настолько Татьяна была красива.

Она уверенным шагом подошла к столу, за которым сидел Натан Иванович. Аккуратно уложенная короткая прическа. Красно-черная клетчатая рубашка, великолепно подчеркивающая ее подтянутую миниатюрную фигуру. Умные, внимательные, невероятно красивые глаза.

– Она не для тебя, – покачал головой Натан Иванович. – Ты неисправимый романтик. А у нее – цель. Понимаешь? Я ее прекрасно знаю. Она не свернет и не затормозит, будет идти к своей цели, во что бы то ни стало. А ты со своими чувствами будешь только путаться у нее под ногами и мешать. И это добром не кончится. Сначала ты будешь раздражать, потом злить. Потом она возненавидит тебя. Но она тебя никогда не полюбит. Ты должен это понять, и как можно скорее.

– Умом я все это понимаю и признаю вашу правоту. Но... как же больно... физически больно и тоскливо видеть ее каждый день. Понимаете? Видеть и желать всей своей сущностью быть как можно дольше рядом с ней. Слушать ее голос, ее дыхание. Иметь право прикоснуться к ней. Больно понимать, что ничему этому не суждено сбыться. – Кирилл опустил голову. Какое-то время они оба молчали. Наконец Капустин тихо, но твердо произнес: – Я буду просить у вас перевода, Натан Иванович. Обратно к Солнцу. Тут я не смогу.

– А я не подпишу перевод, – усмехнулся Головня.

– Почему?

– Пешеходов, разумеется, доложил обо всем, что тут произошло, Министерству внешних связей. Там серьезно обеспокоены нашей находкой. Хотят даже подключить Министерство обороны, так как никто пока не понимает, с чем мы столкнулись. А для того, чтобы это самое понимание как-то расширить, принято решение продолжить исследование Сатурна. Но уже на машинах класса «Стена».

– Я не смогу...

– Сможешь! – отрезал Головня. – Распустил тут сопли! Заканчивайте, товарищ. Теперь это дело не ваше личное, а общественное. Возможно, от него будущее всего человечества зависит! Чем все это обернется? Столкновением цивилизаций или величайшим техническим скачком? А он тут в любовь удумал играть! Да я, скорее, Татьяну эту уберу куда подальше! Уж ее-то исследования можно продолжить в другом месте.

– Не надо ее убирать. – Капустин встал и, сделав пару шагов, подошел к Головне. Посмотрел на этого толстого, невысокого человека сверху вниз и спокойно добавил: – Я остаюсь.

– Вот это другой разговор, – кивнул Головня. – Рад, что ты понимаешь всю значимость момента. – Дверь открылась, и в помещение вошел человек в белом халате. – Вот и врач пришел. Здравствуй, товарищ. Оставляю вас наедине. – Натан Иванович кивнул вошедшему и, проходя мимо него, усмехнулся: – Пропишите ему, пожалуйста, капли от сердечной болезни.

Дверь за ним закрылась. Кирилл молча глядел на врача, который подошел к нему и пристально посмотрел космолетчику в глаза.

– Я рад, что опасения оказались беспочвенными и что вы идете на поправку.

– Спасибо. – Кирилл замялся: – А как вас зовут?

– Можете звать меня просто Доктор.

– Вы и правда можете дать мне лекарство от сердечной боли?

Капустин замолчал. Молчал и Доктор, задумчиво глядя на космолетчика.

– Какое все-таки интересное место, – произнес он наконец. – И интересные люди. Потрясающе. Я напишу справку, если захотите. Вы сможете сменить зону работы. Здесь вам делать больше нечего. Вы мне не нужны.

– В каком смысле? – удивленно спросил Капустин, опешив от подобного поворота событий.

– В прямом.

Глава пятая. Новая

Махов, прищурив глаза, ощупывал взглядом приборы. Сантиметр за сантиметром, по всей обширной панели управления. Уже в который раз за время полета.

Необъяснимое чувство тревоги возникло у него сразу, как только он сел в кресло пилота. Дмитрий быстро пробежал взглядом по системам жизнеобеспечения. Выполнил группу тестовых задач. Уже во второй раз. Все было в норме. Он связался с центром управления полетом, запросил данные технического обслуживания и предполетной подготовки корабля. Выведенные на дисплей монитора столбики цифр были в норме. Дима пожал плечами.

Сегодня никак не получалось отделаться от смутного ощущения тревоги. Или какой-то медленно подкрадывающейся опасности, невидимой и непонятной. Космолетчик нервно передернул плечами. Неужели это звериное чутье? Так живущий где-нибудь в деревне на склоне вулкана старый пес за несколько дней до начала извержения начинает беспричинно завывать и скулить. Рвать цепь, а потом убегает прочь, стараясь как можно быстрее покинуть опасную зону.

Чем обусловлено подобное поведение, ученые до сих пор не могли ответить, все разговоры заканчивались на уровне фраз о звериной чуйке и животном инстинкте. Именно на нем, на этом самом пресловутом инстинкте и основана действующая теория. Но ведь он не зверь. Он человек. Он выше первобытных инстинктов и сильнее их. В ходе эволюции его далекие предки смогли добиться того, чтобы над зоной головного мозга, отвечающего за всякие инстинкты и называющейся после этого подкоркой, стала доминировать новая часть мозга, отвечающая за интеллект, логику и принятие осмысленных решений, не основанных даже на эмоциях. Почему же тогда выходит именно так? Неужели его тренировки и практика пилотирования космических кораблей настолько вошли в его мышечную память, что начали проникать в его генетический код и теперь управляют его ощущениями, выводя его, лучшего космолетчика СССР, на новый уровень развития?

Или же все обстоит совсем по-другому. Когда логика и разум оказываются бессильны, свет науки и достижений человечества начинает меркнуть. Чтобы в окутывающем сознание сумраке начали просыпаться низшие структуры, спавшие, подобно древним мифологическим богам темных эпох, и теперь готовые действовать. Имя коим – пресловутый звериный инстинкт!

Махов потер глаза.

Все это бред. Не более чем банальная усталость. За последние пару месяцев он старался быть везде. Конечно, это не проходит даром. Махов чувствовал, как его организм, сильный и выносливый от природы, поднятый до максимально возможной планки бесконечными тренировками, начинает сдавать. Сказывается отсутствие регламентированных трудовым кодексом нормо-часов отдыха после окончания очередного полета. Сказывается действие укрепляющих и тонизирующих препаратов, прописанных знакомым врачом. В такой дозировке, с такой частотой и на такой длительный срок принимать их не то что не рекомендовалось, а было строго запрещено.

Но то, что нельзя быку, позволено Юпитеру.

Сейчас он, Дмитрий Александрович Махов, самый известный человек не только советского пространства – мира! Его слава сравнима только с легендарным Юрием Алексеевичем. Махов – первый человек, побывавший у чужой звезды. Перед ним открыты любые двери. Ему давали торжественные приемы президенты Франции и Соединенных Штатов, король Англии, руководители Кубы, Кореи, Лесото, Гвинеи, Австралии и еще многих и многих стран, через которые проезжал его кортеж.

Всего три года после окончания школы, а он уже даже не кандидат, а член партии. У него прекрасная пятикомнатная двухэтажная квартира с видом на Москву-реку. Дача под Ялтой и под Карловыми Варами. У него красавица-жена – певица оперной сцены. И совсем скоро их будет уже трое...

Махов втянул носом воздух. Верхняя губа приподнялась, на секунду обнажая клыки. Дремавший в нем под тяжестью разума зверь проснулся.

Температура внутри пилотского отсека мгновенно увеличилась на тысячу градусов. Аппаратура внутреннего контроля, не успев издать сигнал, выгорела в одно мгновение. В воздухе отвратительно запахло жжеными волосами. Махов почувствовал, как начинает выгорать его лицо, глаза, верхние дыхательные пути. Рот открылся в беззвучном крике боли.

Стрелка именных часов, врученных самим Генеральным секретарем ЦК, за это время успела отсчитать только одну секунду. В следующий миг за дыханием Ада пришла огненная стена...

Вова открыл глаза. Вскочил. Завертел головой с широко раскрытыми глазами. Шумно выдохнул, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Возле изголовья монотонно пищал будильник. Травин, тяжело дыша, ткнул в сенсорную панель, отключая его. Не успел он убрать руку, как динамик ожил тихим шипением, а затем буквально взорвался жизнерадостным голосом Днепровского:

– Доброго времени суток. Сергей Днепровский, капитан корабля. Наш межзвездный красавец только что пересек рубеж системы звезды Лейтена. Всему экипажу через полчаса готовиться к посадке. Действовать строго согласно общим полетным инструкциям и личным предписаниям...

Вова вышел из своей каюты. Дверь закрылась, заглушив вещание капитана корабля. Через несколько минут Травин был уже в отсеке пилотирования, где перед большим обзорным экраном в креслах сидели Днепровский и стажер второго года обучения, невысокая темноволосая девушка Мейлин Тан – представительница Китайской народной республики. Вслед за Владимиром в помещение торопливо вошел еще один стажер-второгодок – белорусский космолетчик Степан Климушкин.

– Где она, Сергей Олегович? – с ходу спросил Степа, не дойдя еще до обзорного экрана.

– Правее на два часа бери, – ответил Днепровский.

– Вот это да! – Парень замер, восхищенно рассматривая темнеющий впереди шар планеты. – А у нее уже есть название не по международной классификации?

– Нет. Звезда имеет имя, а планета – только порядково-буквенное обозначение GJ273b.

– Стало быть, мы сможем ее назвать?

– Конечно, – кивнул Сергей. – Назвали же полгода назад планету с такой же цифровой маркировкой «Сияющая». И никто ничего открывателям не сказал. Все по нормативам международного сообщества. Внесем предложение, и, если сообщество одобрит, то планета будет называться так, как мы решим. Можно хоть сейчас отправить запрос.

У Степана расширились глаза от обилия названий, открывшихся перед ним.

– А можно я ее назову? – Климушкин умоляюще посмотрел на старшего.

– Отчего ж нельзя? – Днепровский пожал плечами. – Конечно, можно. Если дама, конечно, не против, а то мы можем ее вперед пропустить.

– Нет, Сергей Олегович. – Мейлин, улыбнувшись в ответ, покачала головой. – Я хочу назвать не планету. Я хочу назвать звезду.

– У тебя будет такая возможность, – кивнул капитан. – Скоро во всей вселенной не останется ни одного уголка, где бы не побывал человек.

– «Новая», – тихо произнес Климушкин.

– Что? – Вова, о чем-то глубоко задумавшись, вернулся к реальности. Не расслышал последних слов и, нахмурившись, посмотрел на Степана.

– Я назову планету «Новая», – громче повторил тот. – Мне кажется, название ей подходит.

– А что? – усмехнулся Сергей. – Мне нравится. Если остальные не возражают по каким-либо идейным соображениям, я отправлю запрос на подтверждение. – Днепровский быстро ввел на дисплее последовательность команд. После чего добавил: – Стажерам внимание! Покинуть отсек пилотирования! Занять пассажирские места согласно предписанию. Четырнадцать минут до начала посадки. Второму пилоту занять свое место!

Когда Травин сел рядом, Днепровский бросил на друга беглый взгляд.

– Ты что-то спросить хотел, или мне показалось?

– Да нет. – От такого поворота Вова даже немного смутился. – Ничего такого. Странно, – быстро добавил он, как будто стараясь уйти от темы, – мне так непривычно, что тебя по имени-отчеству называют. Прямо уши режет.

– Мне тоже. – Днепровский еще раз посмотрел на Вову. – Хотя сейчас уже начал потихоньку привыкать. Но все равно, таким старым себя ощущаю. По утрам мешки под глазами стали появляться. Все убеждаю себя, что это гравитация так действует. – Днепровский усмехнулся, одновременно касаясь пальцами сенсорных панелей систем управления. – Знаешь, я все чаще задумываюсь о том, что ты мне говорил тогда, после своего экзамена. Ведь нас действительно скоро могут заменить роботами. Ты же слышал, что сейчас проходят тестовые запуски первых автопилотов. Так что, если не мы, то дети наши будут только межзвездными пассажирами и космическими туристами. Хотя, мне кажется, что и на нашем веку произойдут глобальные изменения. И всем нам придется заново переучиваться. Переучиваться, Вова! Представляешь?

– Да.

– А я нет! – в сердцах бросил Днепровский. – Я не хочу отказываться от того, к чему шел так долго, к чему стремился, преодолевая все трудности. Глобушки-воробушки, вспомни сам! Бесконечные теоретические задачи с взаимоисключающими параметрами! Когда у тебя мозг закипал от того, что ты не мог найти решение! Когда тебе нужно было искать у треугольника четвертый угол! И учитель потом доказывает, что ты не прав и угол все-таки есть! Когда из всех вводных у тебя только сила искусственной гравитации, число Пи и все. Даже скорость света не является константой! Вспомни изматывающие тренировки! Когда у тебя уже болят все кости и трещат связки с мясом! И ради чего все это было? Ради того, чтобы полетать всего пару лет, а потом уйти в институт перепрофилирования на... на... на эстрадного певца?!

Травин, не удержавшись, прыснул от смеха.

– У тебя нет ни голоса, ни слуха, ни чувства ритма. Ты же сам говорил. У тебя ничего не получится на эстраде.

– Неслись по городу века

И черных всадников знамена

Вершили судьбы наугад

И жизни правили законы.

Мечи и стрелы сотни лет

Вокруг алтарь чертили битвы,

Где каждый знал – пощады нет,

Но на крови читал молитвы...

– Заткнись, Серег! У меня уши сейчас кровоточить начнут!

– Ты прав, пою я не очень. Но все это можно развить. Есть школа ритма. Я тебя слышу, а стало быть, у меня есть слух. Я говорю тебе об этом, и, стало быть, у меня есть голос. Они пока непригодны для музыкального поприща, но если задаться целью... Ведь что такое талант?

Это пять, ну, или десять процентов природных данных. И девяносто – упорных занятий. Просто те, кому от природы дано петь, добьются высот в этом деле чуть раньше, чем просто трудолюбивые люди. Только и всего. Хотя пример не очень удачный, согласен. Есть еще такое понятие, как природный окрас или тембр. Вот он или есть, или его нет. И ничего тут уже не поделаешь. Так же, как и со всем этим надвигающимся техническим прогрессом. Я против него, и я за него. Потому, что так будет лучше для всех, кто придет потом. Это мы с тобой безнадежные романтики, и цена нашей любви к звездам – вся наша жизнь. – Сергей немного подумал, а затем повторил: – Я против, и я за. Вот такой душевный парадокс, если хочешь. Страдаю и мучаюсь. – Днепровский включил громкую связь. – Десятиминутная готовность до посадки! – Затем, помолчав, добавил: – Технический прогресс даже на моем коротком веку спас, как минимум, одну жизнь. Помнишь нашего преподавателя Ивана Алексеевича? Если бы не новые двигатели, поставленные на «Разведчиков», вряд ли спасатели успели бы к гибнущему «Фениксу» за трое суток. А ведь именно они, двигатели эти, и были рабочими прототипами «надсветовых», на которых мы летаем сейчас... Подходим к стратосфере планеты. Начало спуска через шесть минут.

– Да, – кивнул Вова, – колесо прогресса неумолимо перемалывает безнадежных романтиков вроде нас с тобой. Когда вы с Коренковым у Ильи были?

– Год назад.

– И смотри, сколько за этот год всего произошло! Человечество, наконец, смогло приступить к колонизации новых планет. Сияющую хотя бы взять. Это же уникальнейший курорт! Или вот развитие системы управления. Мы с тобой спокойно разговариваем, в том время как ты сажаешь корабль. Все равно что на Земле планер водить.

– Это сейчас, пока мы орбиту пересекаем. Как только войдем в плотные слои, начнется болтанка.

– Если, конечно, тут есть атмосфера, – уточнил Вова.

– Есть. – Днепровский показал на боковую панель. На сенсорном дисплее высвечивались столбиком известные или предполагаемые показатели GJ273b. – Возможно, не такая, как у нас, но есть.

– Насчет Ильи... – Травин задумался. – Как считаешь, он захочет опять летать?

– Ну, а почему нет? – удивился Днепровский. – Еще годик – и он полностью восстановится. А зная его, можно не сомневаться в том, что он быстро вернет все свои навыки и качества. Все же осталось внутри. Организм все помнит. А вспоминать всегда легче, чем учиться заново.

– Ты немного не понял. – Вова покачал головой. – Ты говоришь о том, что он сможет. А я о том, захочет ли. Мне кажется, авария и известие о «Гиперионе» убило в нем все желание. Вспомни, он же так рвался к звездам именно потому, что хотел найти отца. А сейчас что?.. И полет этот. Ведь сейчас мы подлетаем к планете, с которой был принят сигнал «Гипериона». А Илюха снова не с нами.

– С нами нет еще Димки и Кирюхи, раз уж на то пошло. Зато ты теперь не просиживаешь штаны в своей школе, а летаешь. Пусть и в качестве второго пилота и полевого инструктора стажеров.

– Все правильно. Чем скорее начнется обучение в реальных условиях, тем лучше. Тут в министерстве правы, как никогда.

– Правы. И насчет этого полета мы правы. Если бы не ты и не я, он достался бы группе Шнайдера. А вот это было бы совсем неправильно.

– Интересно, а где сейчас Махов Димка?

– Летает где-то, – пожал плечами Днепровский. – А что?

– Сон приснился.

– Рассказывай. – В голосе и взгляде капитана промелькнуло любопытство. В следующую секунду целый ряд информационных экранов вспыхнул строчками отчета внешних датчиков и систем сканирования. Днепропровский переменялся в лице. Теперь он был максимально сосредоточенным и даже злым, словно готовился со всей решимостью ответить на встречный вызов. – Экипажу внимание! Идем на посадку! Вова! Отключение основных питательных элементов!

– Есть отключение!

– Подача охлаждающих элементов!

– Есть подача!

Корабль заметно снизил скорость. Его качнуло. Показатели внешних термодатчиков вспыхнули ярко-красным цветом. Искусственный интеллект немедленно отозвался на это голосовым оповещением. В бок вновь ударил порыв сильнеешего ветра.

– Выдвинуть сетку! Обратный отсчет снижения температуры!

– Сетка ушла! Шесть семьсот! Шесть сто! Пять восемьсот!

– Включаем маневренные!

– Пять ровно!

– Переход на маневренные. Заслон на первую позицию!

– Принято! – Травин быстро и четко выполнял требования командира.

– Шесть! Пять! Четыре! Три!

Корабль еще раз качнуло, его хвостовую часть повело в сторону. Днепропровский всем телом навалился на штурвал.

– Вовка! Тащи!

Травин вцепился в дублирующий штурвал. Корабль встал ровно, и в следующую секунду раздался ощутимый, но, тем не менее, мягкий удар. В отсеке воцарилась тишина. Владимир отпустил штурвал и посмотрел на Днепропровского. Тот откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Медленно выдохнул.

– Контакт. – Его лицо озарила довольная улыбка. – Чуть не перевернулись в последний момент. – Он засмеялся. – Вот было бы обидно!

Глава шестая. Все еще Новая

Мотор ревел ровно и тихо. Универсальный пустынный класс «Геккон» легко нес в себе экипаж из двух человек. Сидевший за рулем управления Травин бросил взгляд на отметку километража и вышел на связь.

– База, я «Геккон». Двигаюсь согласно установленному маршруту, без происшествий. Прошел отметку в пятьдесят километров. Подхожу к цепи скалистых образований.

– Понял тебя. – Голос Днепровского звучал на удивление четко, несмотря на пройденное пустынным расстоянием от точки посадки. – Топографию фиксировать не забываете?

– Мейлин все снимает. По приезду отправим сразу весь пакет информации на обработку картографическому приложению. Я уже хочу назвать пару мест в честь моих близких и знакомых.

– Ладно, – усмехнулся Сергей, – не отвлекайся там. Следующий выход на связь по графику. Если ничего не случится.

Травин разорвал связь и бросил быстрый взгляд в сторону соседнего кресла. Мейлин Тан уже не вертела головой, как заправский совенок. Первое впечатление ушло, и сейчас девушка была занята тем, что тщательным образом записывала целый ряд параметров для будущей трехмерной карты местности.

Двухместную кабину под прозрачным колпаком пересекла тень. Пустынный пронесся между двумя скалистыми образованиями, торчащими из пористой земли наподобие кривых зубов какого-то гигантского существа. За ними, словно обозначая границу, то здесь то там выглядывали такие же каменистые отростки. Владимир сбавил скорость.

Всего час, а впервые ступивший на эту планету человек уже чувствует себя здесь хозяином. Уже почти привык к окружающей обстановке. Прошли первые минуты эйфории, осталось только чувство радости и жажда новых открытий.

Будет ли он на второй планете так же радоваться? Будет ли так же ликовать все его нутро от неописуемых эмоций, когда с открывшейся дверью корабля перед ним откроется целый мир?

Час назад система гидравлических замков выходного люка издала тихое шипение, индикатор моргнул с зеленого на красный. Мимо ушей с шумом пронесся врывающийся в камеру дезактивации воздух. Внутреннее освещение погасло, и дверь с тихим шорохом ушла в сторону.

В лицо, защищенное обзорным стеклом шлемосферы, ударили лучи ярко-красной звезды. Местное солнце висело у линии горизонта, пульсируя матово-красным свечением. К площадке, на которую смог сесть корабль, тянулись длинные фиолетовые тени разрозненных скалистых возвышений. Нестихающий поток ветра нес с собой мелкие песчинки. Они едва слышно бились о шлем, оседали тончайшим слоем на полу камеры и на обзорном стекле шлемосферы.

– У меня слов нет. – Днепровский медленно вышел наружу по опущенной аппарели, не переставая смотреть на заходящую звезду. – Просто не укладывается все это в голове. Все то, что я вижу!

Капитан вывел на внутреннюю поверхность лицевого щитка шлемосферы данные скринингового теста. Слишком мало кислорода в атмосфере. Слишком много металла и радиации. Сероводородные и азотистые соединения в большом количестве. Жаль. Так хотелось, сняв шлем, вдохнуть полной грудью воздух нового мира, рожденного в огне вспышки, как и Земля, миллиарды лет назад, но вскормленного теплом чужой звезды.

Как протекает тут неведомая человеку история? В какую сторону от появления первых примитивных одноклеточных организмов ушла неукротимая и бесконечная эволюция? Как выглядят те, чей сигнал дошел до «Гипериона»?

– Далековато сели. – Травин перевел связь на общую частоту. – Судя по предварительным координатам точки выхода, сигнал должен располагаться восточнее. – Вытянутая рука указывала в сторону цепи скалистых возвышений. – Примерно в ста километрах отсюда.

– Трудно посадить корабль в неизвестной атмосфере только по одной точке наведения, – заметил Днепровский. – Причем, неактивной. Надо установить сигнальные маяки, тогда вопрос с посадкой будет решаться проще и быстрее.

– Да, – кивнул Травин. – Но не здесь.

– Конечно, не здесь. Я уже отметил это место на карте, как потенциально непригодное. Надо будет понаблюдать за ним. Сдается мне, именно здесь у нас место постоянного ветра. Какой-то точечный неугомонный циклон... или как там это называется?

– Что будем делать дальше? – Травин посмотрел на Тан и Климушкина, спускавшихся по аппарели. Затем перевел взгляд на капитана.

– Обстановку считаю благоприятной для дальнейшей разведки. Думаю, имеет смысл взять наш пустынный и отправиться в сторону точки сигнала. Если там кому-то нужна помощь, то дать оценку на месте и действовать по обстоятельствам. Но без героизма. Трезво оценивай свои возможности, а то знаю я тебя. Засиделся в своей школе. Если что не так, возвращайся обратно. – Капитан бросил взгляд в сторону висевшего на горизонте солнца. – Утром свяжемся с орбитальной станцией. Пусть решают они.

– База, я «Геккон». – Травин перевел таймер сигнала оповещения на следующие пятнадцать минут. – Двигаюсь согласно установленному маршруту, без происшествий. Подхожу к отметке в девяносто километров. За цепью скалистых возвышений на всем протяжении до горизонта точно такие же выступы. Данное направление для посадки корабля считаю неприемлемым. Через три минуты планирую вступить в контакт с источником сигнала. Доложу по обстановке.

– Принял. – Дежуривший у приемника Днепровский ответил незамедлительно. – Осторожнее там.

– Да все нормально будет. – Вова отключил связь и снова повернулся к Мейлин. Девушка уже не снимала окружающую местность. Она смотрела на Владимира, и в ее взгляде Травину показалась мелькнувшая тень тревоги и страха. Чего это она? Хотя не важно.

Вова взглянул на ориентировочно выведенную карту местности. Точка сигнала располагалась прямо по курсу и стремительно приближалась. До нее оставалось менее минуты езды в заданном темпе.

Травин вывел на обзорное стекло шлемосферы режим изменения дальности и задумчиво хмыкнул. Впереди ничего не было. Если что-то испускающее сигнал находилось впереди, его уже должно было быть видно. Однако местность была пустой. Ничего хотя бы отдаленно напоминающего антенну, радиомаяк, военную базу или хижину сумасшедшего радиолюбителя. Вообще ничего.

«Геккон» начал тормозить. Владимир решил не доезжать до отметки с десятков метров. Он остановил пустынный, выключил двигатель и стал надевать на голову шлем от тяжелого скафандра. Пальцы никак не хотели выполнять отработанную последовательность действий: стыковочные элементы снова и снова уходили мимо пазов. Наконец Травин справился с задачей. Внутренняя автоматика шлема подтвердила правильность стыка, после чего блок жизнеобеспечения сообщил о начале подачи дыхательной смеси и подключении системы контроля ее состава. Перчатки удалось надеть намного быстрее.

Вова посмотрел на уже готовую к выходу Мейлин. И вновь ему показалось, что в темных глазах девушки надежно засела тревога. Впрочем, какая разница? Она боится встречи с чем-то неведомым и необъяснимым, внушающим страх, но все это глупости и предрассудки! Он рядом с ней и никому не даст стажера в обиду.

Прозрачный купол откинулся вверх. Травин быстрым движением перепрыгнул через невысокий борт и решительно направился в сторону точки сигнала. Тан последовала за ним. Пройдя с десятков шагов, Вова обернулся, убедился, что Мейлин следует за ним, и двинулся дальше. Девушка старалась держаться на почтительном расстоянии и остановилась, когда увидела, что Травин замер впереди, глядя себе под ноги.

– Что случилось? – Она вышла в эфир.

– Я нашел источник сигнала.

– Правда?

– Ну, мне, во всяком случае, так кажется.

Девушка осторожно подошла к Травину. Опустила голову, посмотрела туда же, куда и он, и...

Сердце стукнуло в груди с такой силой, что на мгновение сбило ей дыхание. Мейлин открыла рот в беззвучном вздохе удивления. Внизу, вмурованная в губчатую каменную поверхность, тускло поблескивала квадратная плита. Вне всякого сомнения, являющаяся ни чем иным, как продуктом цивилизации.

– Эта плита – источник сигнала? – оторопело спросила Мейлин.

– Нет, – покачал головой Травин. – Источник сигнала вон там. – Он указал рукой вправо. Там виднелось какое-то непонятное устройство, торчащее из поверхности и напоминавшее небольшую коробочку. – А это, – Владимир кивнул в сторону плиты, – вход к источнику сигнала. Но как он открывается, я ума не приложу. И открывается ли он вообще? Внешне нет никаких... – Он замялся, видимо, подбирая слова. – Нет ничего! Если там, внизу есть хоть что-то, помимо механического передатчика, то где вход? Где воздухозаборник, в конце концов?

– Может быть, мы всего этого просто не видим? – предположила Мейлин.

– Сейчас проверим. Отойди!

Травин выхватил стандартный излучатель плазмы, являвшийся табельным оружием, прицелился и нажал на кнопку. Из ствола вырвался сгусток пульсирующей фиолетовой энергии. Раскаленная до многих тысяч градусов плазма ударила в каменную поверхность, зона поражения вспыхнула маленьким солнцем, при возгорании которого лицевые щитки шлемов мгновенно понизили прозрачность стекла. Еще секунду в огненном шаре все кипело и плавилось. Затем остаток энергии, растворяясь, ушел в атмосферу, оставив после себя кратер с оплавленными краями.

– Вижу плиту и часть входного люка! – приглядевшись, доложила Мейлин. – Это какой-то вход в бункер! Давайте еще раз!

Второй разряд плазмы ударил чуть правее. После того, как вспышка погасла, стал виден снятый верхний слой плиты и зияющее в нем черное отверстие входа. Запирающий его люк вместе с камнями и частью плиты просто-напросто испарился, не выдержав воздействия энергии, прирученной Человеком Разумным.

– Хорошо, что камни сплавились между собой. – Владимир подошел к открывшемуся входу, осторожно заглядывая внутрь. – А то сейчас их насыпало бы внутрь.

Он включил нашлемный фонарь и, неуклюже опустившись в скафандре на колени, начал изучать внутренности прохода.

– Спуститься можно, – сразу же заявил он. – Тоннель прямой. Мне даже кажется, я могу дно разглядеть.

Но точно не уверен. Тут в стене есть металлические скобы, можно спускаться по ним. Но я для страховки использовал бы наши тросы. С такой высоты мы, если упадем, не расшибемся.

Защита хорошая. Но вот за стекло шлема я опасаясь. Да и выбираться назад будет проблема. А до корабля дозваться получится или нет, не известно. Вдруг связь внизу брать не будет?

Из поясных блоков были извлечены короткие самострелы с вмонтированными в специальные дротики титановыми тросами. Коротко щелкнули пиропатроны. Дротики, легко пробив оплавленную поверхность плиты, ушли в ее глубину, надежно цепляясь выдвинувшимися из боковых пазов распорками.

Мейлин подергала для проверки трос. Конструкция держала прочно.

– Поехали! – весело воскликнула она.

Травин первым перелез через край проема и поставил ногу на одну из первых скоб. В следующую секунду раздался лязг и выскочившая из стены опора полетела в темноту, увлекая за собой нижние скобы. Тоннель наполнился дробью ударов, отражающихся эхом от стен прохода.

– Что я и говорил, – резюмировал Вова, повисший в воздухе на титановом тросе.

Он нажал кнопку на поясном блоке и, выпуская трос, начал плавно спускаться на дно. Тан последовала за ним.

Тоннель оказался гораздо глубже, чем это казалось наверху. Смотрящая вниз девушка видела, как под ней зажегся свет нашлампного фонаря Владимира. Она завертела головой по сторонам.

Стены тоннеля были во многих местах изъедены глубокими трещинами, из которых порой выпадали маленькие камушки, со звонким стуком отлетая от поверхности скафандра и срываясь в темноту.

– Осторожнее тут внизу! – Травин, по-видимому, уже добрался до дна тоннеля. – Не наступи!

– На что? – удивилась Мейлин.

Она посмотрела вниз, но, кроме слепящего света фонаря Владимира, толком ничего не разглядела. Наконец ее ноги коснулись твердой поверхности.

– На что мне не наступать? – повторила она свой вопрос.

– На него. – Травин указал рукой вниз.

Тан повернулась в указанную сторону и вскрикнула.

На полу, прислонившись к стене, лежали останки невиданного существа. Обрушившиеся скобы местами раздробили в прах истлевшее от времени мертвое тело. Тем не менее, внешность инопланетянина можно было рассмотреть в общих деталях.

Вне всякого сомнения, он был представителем гуманоидной расы. Небольшого роста, бочкообразное тело, две пары конечностей, выполнявших, по всей видимости, функции рук и ног. Круглая голова сидела на короткой и толстой шее. Существо было облачено в остатки скафандра, от которого лучше всего сохранился шлем с двумя большими окулярами из темного стекла и расположенного под ними треугольника с вставленным в него и забитым пылью фильтром. Да еще часть перчатки, выполненной по типу экзоскелета, с наложенными на полустлевшую конечность металлическими пластинами и деталями мышечных усилителей.

– Думаю, он очень хотел попасть внутрь. – Травин указал на глубокие борозды и вмятины на поверхности закрытого люка, расположенного справа от тела.

– Какая жестокость! Бросать в беде товарищей...

– Может, он им и не товарищ вовсе, а враг, который хотел пробраться внутрь.

– Почему же тогда он не вышел обратно наверх?

– Да я почему знаю? – рассердился Владимир. – Надо внутрь попасть. Там, наверное, найдем что-нибудь, что поможет нам разобраться.

– А как это сделать?

Вова внимательно посмотрел на люк. Самый простой запирающий механизм. Круглая дверь на петлях, с винтом посередине. Можно открывать снаружи и изнутри. С другой стороны,

наверное, имеется какая-нибудь элементарная блокировка, раз этот малый не смог попасть внутрь. Хотя поворотный механизм прямо перед ним. Крути – не хочу, благо механические усилители под рукой. Вернее, на руках.

– Точно! – Травин стукнул себя рукой по шлему. – Встроенные лазерные резак! Они слабые, и понадобится время, но, я думаю, мы успеем до заката.

– «Геккон», я База. Ответьте! – Днепровский в очередной раз вышел в эфир. И вновь безрезультатно. На очередной сеанс связи по утвержденному пятнадцатиминутному графику экипаж десантного бота не вышел. После этого прошло еще пятнадцать минут, и все попытки капитана достучаться до Травина и Тан ни к чему не привели.

Пока Сергей безрезультатно терзал связь, сидящий рядом Климушкин по приказу капитана вывел на экран данные метеорологических зондов. Полученная информация давала более или менее адекватное представление о том, что в радиусе ста километров от корабля атмосфера планеты остается стабильной. Несколько локальных зон циклонов не могли быть препятствием для аппаратуры связи последнего поколения. Стало быть, «Геккон» повстречал за отметкой в сто километров какое-то атмосферное препятствие. Хотя не обязательно атмосферное. Он может находиться в любом месте, куда не пройдет электромагнитный импульс. Либо что-то стряслось с самим пустынным. Или с его экипажем.

Днепровский встал и начал ходить по помещению.

Что могло случиться с ними по дороге? Глупый вопрос. Все, что угодно. Случилось бы это «что-то», если бы, вместо Мейлин, с Травиным поехал бы Степа? И что было бы, если бы он, вразрез всем инструкциям и предписаниям, оставил бы Травина на корабле?

– Капитан! – Голос Климушкина заставил Днепровского вздрогнуть.

– Что там? – спросил он, чувствуя, как спину обдало холодом.

– По всей видимости, обитавшая тут цивилизация отстает от нас где-то на три или четыре столетия. Помнишь, по истории нам рассказывали про эпоху бункеров? Во времена холодной войны и Великой Отечественной, в середине двадцатого века? Все это очень похоже на то, что я видела на одной из школьных экскурсий.

– Ваш класс тоже возили в музей? – Травин сосредоточенно работал лазером, разрезая толстую, местами проржавевшую входную дверь.

– Да. Мне кажется, это единственное место, где решено было сохранить старые бункеры. Там еще рядом осталась реконструированная огневая точка внутри бетонного колпака. С прикованным цепями к станковому пулемету скелетом.

– В Канаде что-то подобное еще осталось. – Владимир выпрямился. – Отойди. – Он сделал рукой предупреждающий жест, а затем что есть силы ударил ногой в середину двери.

Звук глухого удара подхватило тихое эхо, устремившись на волю, к чистому небу над их головами. Входной люк остался на месте. Вова нанес удар снова. Затем еще один раз, и еще. Что-то внутри сгнившей конструкции, наконец, надломилось. Раздался щелчок, и часть массивного кругляша ввалилась внутрь бункера.

Травин достал излучатель и, вскинув оружие, перешагнул образовавшийся порог. Сделав несколько шагов вперед и, быстро осмотревшись по сторонам, замер на месте, опуская оружие.

– Что там? – Мейлин, пробравшись внутрь, подошла к нему.

– Это не бункер, – выдохнул Травин. – Это какой-то склеп!

– Когда это появилось? – Днепровский пристально всматривался в экран монитора.

– Не могу точно сказать, – ответил Степан. – Доложил, как только заметил. Когда закончил считывать данные сейсмических датчиков, решил перевести обзор на одну из камер внешнего наблюдения. Вдруг пустынный возвращается. А там...

– Сейчас проверим, что это за штуковина. – Днепровский быстро направился к выходу. Через две минуты он уже прикрепил шлем и перчатки к тяжелому внешнему скафандру.

– Закроешь за мной! – раздался в динамике общей связи его приглушенный голос.

Солнце чужой планеты уже более чем наполовину ушло за линию горизонта. Возле нее небо окрасилось в интенсивный фиолетовый цвет, а выше приобрело чернильный окрас космоса, разбавленный многочисленными рисунками незнакомых созвездий. Чернеющие впереди скалистые отростки отбрасывали длинные неровные тени. А между ними из многочисленных пор каменистой поверхности, похожей на вулканический базальт, выступала, поблескивая в свете закатного солнца, густая розовая жидкость.

Днепровский активировал систему дальнего обзора и посмотрел по сторонам. Похоже, вся видимая поверхность планеты заполнилась этой субстанцией.

Капитан подошел к краю аппарели и нагнулся, чтобы рассмотреть ее касающийся поверхности участок. Тот еле заметно дымился.

Днепровский отстегнул от набедренного фиксатора один из дополнительных источников заряда и, размахнувшись, бросил его в розовую субстанцию, поднявшуюся над поверхностью уже на добрые семь сантиметров. Пластика воткнулась ребром в вязкую жидкость и через несколько секунд, качнувшись, начала проседать. Ее основание плавилось.

– Степа! Открывай! – Днепровский дождался, когда оставшийся на борту космолетчик выполнит приказ, и, появившись внутри космического корабля, быстро направился к системе связи. С остервенением стащил с себя перчатки и шлем, вдавил кнопку вызова.

Климушкин с нарастающим беспокойством смотрел, как на лице капитана рядом с выступившими желваками проявились две вертикальные линии возле углов рта.

– «Геккон», я База! Вова, твою дивизию! Куда ты пропал? «Геккон», я корабль! Отвечай же! Дружище, прием! Мейлин! Где ты? Вовка! Ответь!

– Все так плохо, как мне показалось?

– Тебе не показалось. Эта розовая хрень выжигает все, до чего может добраться.

– И наш корабль?

– Черт! – Днепровский всадил кулак в подлокотник пилотского кресла. Быстрыми движениями он активировал небольшие маневренные двигатели, поднявшие корабль в воздух примерно на два метра.

– Спасибо, – бросил он Климушкину.

– У нас есть запасной «Геккон»?

– Нет. – Сергей зло мотнул головой. – Только двухколесный мотоцикл.

– Я выезжаю за ними!

– Отставить! Мы ждем их здесь.

– Но они же могут... – начал Степан.

– Мы ждем их здесь, – перебил его Днепровский, скорее, прорывав, чем проговорив эти слова.

– Там же наши... Как же так, Сергей Олегович?! – Климушкин не заметил, как голос его дрогнул, сорвавшись на фальцет.

– Сам подумай, – усталым голосом произнес капитан. – До них сто километров. Даже если ты покроешь это расстояние на мотоцикле, не потеряв по дороге колеса, чем ты им поможешь? Мотоцикл одноместный. Даже с двумя людьми, облаченными в тяжелые скафандры, он не доберется назад. А с тремя...

– Летим на корабле!

– Место для посадки в том направлении отсутствует. Я не смогу посадить его среди скал. Ты слышал, что докладывал Владимир Андреевич? Площадки за скалами нет!

– Есть же жесткие тросы, которые мы можем скинуть!

– И выжечь людей соплами двигателей? Ты в своем уме?

Внутри корабля воцарилась гнетущая, давящая на мозг тишина. Климушкин и Днепровский, потупив взоры, сосредоточенно искали выход из сложившейся ситуации.

– Вы сможете держать корабль на маневренных двигателях в горизонтальном положении? – неуверенно, как бы предчувствуя, что озвучивает совершенно бессмысленную и неосуществимую вещь, спросил Степан.

– Попробую, – кивнул капитан. – Взлетаем!

– У нее есть семья, родные?

Климушкин, не переставая, смотрел на медицинский транспортировочный бокс, в котором лежало мертвое тело Мейлин. Степану все казалось, что пройдет еще какая-нибудь секунда, и Тан, глубоко вздохнув, откроет глаза. С испугом и изумлением воззрится на непроницаемую крышку над головой и в панике начнет кричать. И этот исполненный ужаса крик будет самым радостным из всего, что ему доведется услышать. Еще секунда. Еще одна. Еще...

– Степа! – окликнул парня Днепровский. – У нее есть хоть кто-то? Не знаешь?

– У нее мать и отец. Живут в провинции Аньхой. – Климушкин посмотрел на капитана, на его уставшее и постаревшее сильнее прежнего лицо. На его руки, которые мелко тряслись от нечеловеческой нагрузки, которую пришлось преодолеть час назад.

– Надо сообщить на «Королев». – Травин, заняв кресло второго пилота, активировал систему передачи данных и начал составлять информационный пакет. – Мы с Мейлин по случайной случайности выбрались из этого тоннеля в последний момент. Эта розовая хрень уже свешивалась через край. Еще немного – и она начала бы течь по стенкам шахты. Мы поняли, что к чему, когда подошвы наших ботинок начали дымиться, а внутренняя система скафандра дала сигнал тревоги. Кое-как добежали до «Геккона», взобрались на крышу пустытника... а что делать дальше – непонятно. Ходовая часть машины уже выведена из строя, это было видно и без тестовых систем. Оставалось только ждать. Но чего? Момента, когда эта хрень растворит целиком наш «Геккон»? Когда она уйдет обратно, откуда пришла? Или всеобщего конца света? Эта неопределенность, конечно же, здорово ударила по нашим нервам. То, что прилетите вы, да еще и таким образом сможете зависнуть, пока мы не окажемся на борту... Ни я, ни Мейлин даже не рассчитывали на такое. – Вова вздохнул. – В итоге у нее не выдержали нервы. Я не успел ничего предпринять, когда она, увидев корабль, с криком ужаса соскочила с «Геккона» и бросилась бежать к вам.

Днепровский молча кивнул, прокручивая в голове ход дальнейших событий.

Три или четыре десятка шагов. Выжженные субстанцией подошвы ботинок. Разгерметизация скафандра. Поступление внутрь газовой смеси продуцируемых планетой токсинов. Отравление, спутанность сознания, его потеря. Падение лицом вниз. Расплавление обзорного экрана шлемосферы. Тотальный ожог лицевой части черепа...

– Готово. – Владимир откинулся на спинку кресла. – Пакет отправлен. Один из индикаторов на панели управления изменил цвет, и Травин, ответив на входящий сигнал, горько усмехнулся:

– Степан, предложенное тобой название одобрено. Теперь эта планета называется «Новая».

– Нет! – Климушкин вскочил, бросился к панели и, вдавив кнопку связи, закричал в микрофон: – Я отменяю решение! Это планета «Смерть»! Планета «Яд»! Планета «Убийца»! Но никак не «Новая»! Вы слышите меня?!

– Все кончено, Степа. – Днепровский начал набирать на панели управления череду команд. – Тут мы больше ничего не сможем сделать. Всем пристегнуться. Даю старт через десять минут.

Глава седьмая. Предпоследняя

– Привет! – Нурзалиев удивленно смотрел на появившегося в открытой двери Беякова и видневшуюся за его широкими плечами знакомую фигуру пилота Михалыча. – А разве ты сегодня? Я Костика Тихомирова ждал.

– Он попросил поменяться сменами. – Илья, хромая, подошел к обеденному столу и бухнул на него небольшую сумку. Раскрыл ее, достал несколько пищевых контейнеров, заботливо собранных и упакованных любящей супругой. – Как оно тут было?

– Да все хорошо прошло. – Сархат засуетился, собирая свои вещи. – Михалыч! Чайку, может?

– Нет, спасибо. – Михалыч, качнул головой. – Некогда расслаживаться. Мне еще молодняк забирать с «зеленки». А потом с вами до Королева. И так уже на десять минут выбился из графика. На базе выпью. Собирайся лучше быстрее.

– Я почти! – Нурзалиев торопливо засеменил к шкафу со скафандром. – Один раз только, в самом начале, чуть столкновение не произошло. Танкер энергетиков ушел с маршрута возле третьей точки. Зашел случайно на верхний уровень. А там навстречу – строительная платформа. Мамой клянусь, я думал, что седым себя в зеркало увижу! И это в первые два часа смены! Я уже решил, что вся она такой будет, но потом ничего, обошлось. Даже ночь спокойная. – Сархат побежал к выходу. – Все. До встречи! Ничего не желаю!

Илья кивнул уже закрывшейся за Михалычем и Нурзалиевым двери отсека. Затем еще раз осмотрелся вокруг, словно проверяя, действительно ли он остался один на «маяке».

Помещение диспетчерской было пустым, и Беяков прошел к пульту управления, расположился в удобном кресле за ним. Каркас мебели моментально стал подстраиваться под особенности его тела, принимая максимально удобное и безопасное положение. В первый раз этот предмет рабочей обстановки очень понравился Илье. Он понял всю недальновидность руководства и коварство этого кресла только ближе к ночи, когда привыкший к строгому режиму организм начал настойчиво требовать полноценного отдыха. Борьба с закрывающимися глазами и падающей на грудь головой, оставаясь сидеть в этом кресле, было решительно невозможно. Илье пришлось заменить его обычным жестким стулом, который стоял возле обеденного стола. Таким образом, можно было досидеть в бодрствующем состоянии до утра. А в семь ноль-ноль откроется второе дыхание: мозг активирует утренний режим, и можно будет уже более спокойно посидеть еще полтора часа до прилета сменщика. Ближе к ночи надо будет проверить подмену с креслом еще раз. Но сейчас можно позволить себе предоставленный государством уют.

Бывший космолетчик, а ныне дежурный диспетчер «маяка» сменил пароль доступа Нурзалиева на свой. Подключил ключ-идентификатор к системам жизнеобеспечения. И затем включил тест системы программирования. Автоматика автоматикой, но контроль человека должен быть всегда. Это его личное мнение, и его не изменить никакими нововведениями. Слишком хорошо он изучил этот вопрос за время вынужденного бездействия.

Взгляд его остановился на одной из строчек высветившейся информации.

Беяков усмехнулся. Нурзалиев такой Нурзалиев. Опять залез куда-то.

Илья вскрыл систему и начал методично прошупывать цифровую подкладку программы.

Ну, конечно. Вот оно. В четыре утра была допущена ошибка. Видимо, все-таки Сархат задремал в кресле и потом спросонья допустил оплошность. Она не из разряда непростительных, но ведь это в данный момент. Все может пойти совсем по другому сценарию и закончиться куда более плачевно. Если не трагично. Эту ошибку он сейчас исправит, но с Нурзалиевым надо будет поговорить. Тем более уже не в первый раз. В прошлом месяце он каким-то образом ввел неправильную команду на подключение метеокосмической установки. В итоге чуть

было не запорол годовое исследование метеослужб. Система фиксации, обработки и накопления данных по космическим течениям была деактивирована совершенно немыслимым образом. Не напрямую, а через какую-то боковую цепь косвенно примыкающей системы. Илья, сменивший Сархата, проблеме тут же нашел и сумел исправить. Ему даже удалось найти данные незаписанного дня и вставить их в пропущенное звено исследовательской цепочки. Метеорологам Беляков ничего говорить, разумеется, не стал. Не хватало еще, чтобы ученых удар хватил! Даже ему страшно представить ситуацию, когда годовой массив данных и год жизни, отданный на изучение новых открытий, в одно мгновение ушел бы всем космическим псам под хвосты! После того раза Илья имел с Нурзалиевым короткий и весьма содержательный разговор, насыщенный высокодуховными словами. После этого казах и старается не попадаться на глаза Белякову. Даже смены просит старшего ставить так, чтобы не видеть Илью. Сегодня-то вон как забегал, когда увидел, что его не Тихомиров пришел подменять.

Хорошо, все-таки, что удалось окончить школу углубленного изучения информационной технологии и безопасности. Как оказалось, полезно знать немного больше других. Света, как всегда, оказалась права.

Она у него вообще молодец. Большая молодец, надо сказать. Все пережила вместе с ним. Не отходила ни на шаг от его искаленного тела. Гнала своей бессмертной надеждой в глазах и уверенностью в голосе все то плохое, что непроницаемым коконом окутывало разум инвалида с того самого момента, когда к Илье вернулась способность мыслить и принимать осознанные решения. Хотя были ли они осознанными? Сейчас он сильно сомневался в этом. Эгоистичными – да. Но уж точно не основанными на разуме. Иначе он никогда не ответил бы черной неблагодарностью за ту доброту, заботу и любовь. В то время, когда Света неустанно продолжала надеяться и помогать всем, на что хватало ее скромных девичьих сил и безграничного терпения, он мыслил только об одном, прикрывая свои желания заботой о ней. Надеясь оправдать, в первую очередь, самого себя, оправдать свое решение, которое наконец позволит Свете стать свободной, а не скованной по рукам и ногам сидением возле осточертевшего реабилитационного ложа. Избавит ее от опостылевшей обязанности... И, конечно же, прекратит его мучения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.